

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ ЗАЙЦЕВ
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ИСТОКУ**

Боевые роботы

Сергей Зайцев

Возвращение к истоку

«Автор»

2009

Зайцев С.

Возвращение к истоку / С. Зайцев — «Автор», 2009 — (Боевые роботы)

На планете Пустошь обычный рейс по доставке груза из космопорта на военную базу прерывается нападением извне. Техника колонны и ее охранение — боевые роботы уничтожены неизвестным оружием и неизвестным противником. Что это? Вторжение инопланетной расы или сверхсекретные разработки военных? Что бы это ни было, а противостоять этому предстоит эксперту по вооружению Сомахе Олиману, волей случая вновь оказавшемуся на родной планете с экипажем торгового корабля-внешника «Забулдыга», и пилоту боевого робота Петру Свистуну, прибывшему на Пустошь в поисках своей исчезнувшей подруги.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	43
ГЛАВА 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Зайцев

Возвращение к истоку

ГЛАВА 1

Дым

— Внимание всем — стоп машины.

Короткая колонна двигалась со средней скоростью сорок километров в час, приспособившись к условиям сложного горного рельефа. Поступивший по общему каналу ВИУС приказ командира группы заставил пилота сорокапятитонного боевого робота «Спринтер», шагавшего в авангарде, сбросить темп. Сопrotивляясь инерции массивного тела, «Спринтер» сделал еще несколько гигантских шагов и только потом замер. Там, где стальные лапы человекоподобного робота прошли по каменной россыпи, устилавшей дно ущелья, остались заметные следы из вдавленного и раздробленного щебня. Следом, в полусотне метров позади и в десяти метрах над землей, парил «Толстяк» — могучий грузовой винтокрыл. Замыкал движение второй боевой робот — «Миссионер», тоже гуман, массой в пятьдесят пять тонн. Последними, подстраиваясь под ход медлительных гигантов, замерли в воздухе «мэры» — юркие гравилеты мобильной разведки — четыре одноместных аппарата с минимальной броней и легким вооружением. Приданные колонне больше для порядка, чем по необходимости, «мэры» следовали по флангам «Толстяка».

Тяжелее и медлительнее всех, естественно, останавливался грузовоз. Внешне могучая машина представляла собой сваренную из металлических ферм платформу размером двадцать на тридцать пять метров; ее многочисленные подвески для грузов, крепившиеся к раме, напоминали сложно сплетенную многоярусную сеть. Задача грузовоза — забрать военную технику, доставленную с орбиты в космопорт Пустоши. Стабилизировалось это семидесятитонное «чудо» в воздухе с помощью заключенных в кольцевые каналы четырех девятиметровых многолопастных винтов, которые располагались сверху по краям прямоугольника. Два вертикальных рулевых винта такого же типа в хвостовой части, но меньшего диаметра, отвечали за маневренность и направление. А основную подъемную силу создавал антигравитационный привод, способный поднять четыреста тонн полезной нагрузки, не считая массы самого винтокрыла. Спереди грузовоза, вынесенный на специальной раме, крепился остроносый легкобронированный модуль кабины, в которой, кроме пилота и командира группы, находилось четыре техника, они должны были принять роботов в космопорте.

Дым (а вне боевого дежурства — старший лейтенант Гунза Кипер) проверил показания бортового радара сразу после приказа капитана Хогана, еще до полной остановки своего «Спринтера», но подозрительных меток на экранах не обнаружил — и в воздухе, и на местности вокруг было чисто.

За пять километров до выхода из ущелья обрывистые горные склоны, испятнанные островками зелени на фоне серых скальных образований, начинали расходиться вширь, открывая просторное окно в Туманную долину. Если продолжить путь дальше, то километров через семь колонна достигнет лазурных вод озера Нежного. Внимание пилота на долю секунды отвлекла дыра старого искусственного туннеля, чернеющая слева на скальном склоне. Туннель длиной пятнадцать километров соединял ущелье с окраиной местной столицы — Ляо, пробивая насквозь основание горной гряды и значительно сокращая расстояние до города. Местными жителями туннель давно не использовался, а военные нашли ему применение, оборудовав в удобном бетонном жерле вспомогательный автоматический пост «Кротос», в просторечье —

«крот». Звенья охранной цепочки, состоявшей из таких «котов», размещались через каждые пять километров вдоль всего пути до базы, «крот-5» был последним в цепи, дальше ущелье не охранялось, там уже начиналась гражданская территория. Дым невольно усмехнулся. Мысленно, естественно. Когда твоё тело дремлет в уютной темноте КоЖи — кокона жизнеобеспечения боевого робота, и визуальные данные поступают напрямую в бодрствующий мозг, соединённый с искусственным интеллектом машины в единое целое — на мимике ничего не отразится. По ассоциации вспомнилось, что на историческом сайте местной планетной сети есть подробное описание «героической» вылазки защитников Ляо из гор в город для разведки боем. Дым хмыкнул. Как-то полистал этот сайт от скуки, во время очередного дежурства на базе. До какой же степени нужно быть оторванным от общего течения жизни остального цивилизованного мира, если мелкая стычка с жалкой бандитской группировкой представляется местным населением как эпохальное событие в их общине. Они так и меряют свою затхлую историю — до Рейда и после Рейда. Типа, с того момента жизнь круто изменилась.

Впрочем, это их дело.

Пилот «Спринтера» историей планеты мало интересовался. Гораздо больше его привлекали местные девушки, а через четыре дня как раз намечалась очередная законная увольнительная в Туманную долину. Вот это — актуально. Дым заранее спланировал, как проведёт время. На этот раз он отправится не в Ляо, изучать сервис ночных баров, а на побережье озера Нежного, в курортную зону. С командиром базы он уже договорился. Нареканий по службе у него нет, он опытный, дисциплинированный пилот на хорошем счету, так что прима-полковник Алеха Черты́й пошёл ему навстречу. Естественно, ещё на базе придется переодеться во все гражданское, на побережье он появится как один из многих отдыхающих и вряд ли привлечёт много внимания. Со знакомой девушкой из Ляо он уже договорился, сексапильная цыпочка, дочка одного из членов Совета Старейшин Ляо, местного органа самоуправления. Она обещала снять симпатичный домик к его приезду. Так что Дым собирался оторваться по полной программе — пять дней сексуальных забав с приправой из белого пляжа, лазурной воды и все ещё яркого осеннего солнца. Отличная разрядка после серых будней службы — горные патрули, виртуальные тактические тренировки, тренажёрный зал физической подготовки... Беспокоило лишь одно — его, кажется, угораздило в эту цыпочку влюбиться. Впрочем, не в первый раз. Бывало и раньше, пройдет и сейчас. Цыпочки пошли привередливые, их терпения хватало лишь на несколько встреч, разделённых промежутками в две-три недели — специфика службы, их устраивали более регулярные партнёры. Да уж, в сумасшедшее нынешнее время, когда жизненный темп искусственно подстегивался информационными технологиями, запустившими щупальца во все сферы бытия — работа, быт, досуг, все торопились жить, даже в таком захолустье, как Пустошь...

В общем, все вокруг дышало первозданным спокойствием, никаких признаков противника, ни единого живого существа. Но даже будь здесь какие-нибудь животные, давно бы уже разбежались от мощного гула винтокрыла, который и сейчас, зависнув неподвижно, продолжал исправно молотить воздух всеми шестью винтами.

Дым ещё раз бегло изучил показания системы диагностики и контроля повреждений всей техники колонны, благодаря ВИУС стекавшие на виртуальные экраны «Спринтера» в виде наглядных графиков, диаграмм и цифровых таблиц. Состояние всех машин колонны находилось в пределах нормы. Но если уж случилась непредвиденная остановка, значит, на то были веские причины.

— Дым, дай разведракету над квадратом 56–30, — последовал следующий приказ. Лицо капитана Хогана на «визитке», висевшей под верхним срезом главного визуального окна в чередё прочих «визиток» остального личного состава колонны, выражало легкую озабоченность, подтверждая нехорошие предчувствия пилота «Спринтера». Впрочем, Хоган тот ещё тип, он даже во сне выглядит озабоченным.

С правого плеча «Спринтера» из глубокого гнезда, расположенного рядом с хлыстом радарной антенны, ушла в небо разведракета, оставляя за собой быстро исчезающий белесый след. На километровой высоте ракета взорвалась — практически без пламени, рассеявшись в синюющем небе невидимым с такого расстояния облаком микроскопической электронной «мошкары». Чем быстрее воздушные течения растащат облако во все стороны, тем лучше для устойчивой работы. В идеале время действия «мошкары» пять-семь часов, зона охвата до десяти километров. Но для того чтобы начали поступать первые видеоданные, обычно хватает от десяти до тридцати секунд.

Лишь выполнив приказ, пилот «Спринтера» счел нужным поинтересоваться:

— Что происходит, Хоган?

В небольшом коллективе базы «Зеро», насчитывавшем всего три десятка военных и шестерых ученых, все знали друг друга как облупленных. Как-то так сложилось, что в неформальной обстановке все офицеры базы, пилоты, техники старались придерживаться приятельских отношений. Примерно как в большой дружной семье. Во время несения службы — сохраняли необходимый минимум официальной дистанции между должностями и званиями. Немного иначе дело обстояло с пилотами ИБээРов. Неизвестно, откуда пошло веяние, но друг друга они нередко окликали по утвержденным командиром базы позывным даже в свободное от службы время. Тем более — на боевом дежурстве. Если учесть, что любой выход на военном роботе всегда приравнивался к боевому, какую бы задачу ни выполнял пилот, то неудивительно, что клички приросли к пилотам базы намертво, заменив имена. И если товарищ вне службы вдруг обращался к тебе по званию и полному имени, к примеру старший лейтенант Гунза Кипер, то в отношениях с ним у Дыма явно намечались проблемы личного характера.

— Небольшая заминка, Дым. Проведем разведку местности по запросу с базы, затем двинемся дальше.

— Странно, — вклинилась в разговор Огонек, пилот «Миссионера». — Это не наша задача.

— Причины есть, — ответил Хоган. — «Аргус» засек в нашем квадрате всплески энергетической активности неизвестного происхождения. А мы ближе всех, точнее, кроме нас, здесь вообще никого нет.

— Понятно, крайними оказались, — проворчала Огонек, соорудив на «визитке» недовольную рожицу. — А нам еще полчаса до космопорта топать. Из графика выбьемся.

— Не нам, а капитану, — поправил Дым. — Мы с тобой будем ждать возвращения «Толстяка» на выходе из ущелья. Или ты уже забыла, что местные очень не любят, когда их шоссейные дороги уродуются лапами наших стальных милашек?

— Не умничай, Дым. Постой... Капитан, а почему «Аргус» сам не определил, в чем дело? Эта чертова спутниковая система наблюдения стоит столько, сколько мне за всю жизнь не заработать, вот пусть и отдувается...

— Да в том-то и дело, Огонек, — с легким беспокойством ответил капитан Хоган. — Сразу после выдачи информации «Аргус» заткнулся. Все шестнадцать спутников орбитальной сети. Если бы это случилось только на базе, можно было бы списать на неполадки приемной аппаратуры. Но антенны «Толстяка» тоже не ловят сигналы со спутников. Да и у вас обоих, вижу, то же самое. Благодаря ВИУС — войсковой информационно-управляющей системе, предназначенной для оперативного взаимодействия, объединявшей бортовые системы связи и компьютеры всей техники колонны в общую сеть, — Хогану незачем было задавать лишние вопросы. Вся необходимая оперативная информация тут же отражалась на командном пульте «Толстяка». Зная, что на боевых роботах стоит мощная аппаратура, позволявшая без посредников принимать сигналы со спутниковой сети, капитан Хоган раньше пилотов обнаружил, что приемники ИБээРов тоже работают вхолостую. Так как после получения приказа с базы знал, на что обращать внимание в первую очередь.

— Только не говорите мне, что все это очень похоже на стандартный прием при нападении противника — первым делом вывести из строя средства глобальной связи. — Будь робот Дыма способен пожимать плечами, он бы так и сделал, но в КоЖи тело пилота осталось ослабленным и спокойным, так что недоумение пришлось выражать лишь голосом, точнее его программной имитацией. — Кому мы тут могли понадобиться, в этом захолюстье?

— Наивный, — усмехнулась Огонек. — А ученые на базе, по-твоему, что, пирожки пекут или кое-какими исследованиями занимаются?

— Рано еще строить беспочвенные предположения.

Дым предпочитал думать, что происходящее и в самом деле лишь простое недоразумение. Увольнительную он не хотел пропустить ни в коем случае, иначе местная девчонка пошлет его куда подальше и придется искать новую подругу, а Дым предпочитал постоянные отношения, хотя бы на ближайшие полгода.

— Может, мы наблюдаем какое-нибудь природное явление...

— Ага, как же, супергроза, отрезавшая от нас спутники? — съехидничала Огонек. — Что-то я не припомню подобных случаев, да и по прогнозу ничего такого не предсказывалось, небо совершенно чистое... А вообще, наконец-то.

— Что — наконец-то? — переспросил Дым.

— Я уж собралась после окончания этого контракта переводиться куда-нибудь в другое место, где повеселее, а то за два года ни одной стычки, скоро извилины от рутины заплесневеют...

— Горазда же ты врать, Огонек. Это твой последний контракт, сама говорила. Без Специализации пилотов больше не берут, а ты ведь не собираешься изменять своим убеждениям и перекраивать мозги безвозвратно?

— А ну притихните оба, не засоряйте эфир, — перебил их капитан. — И советую посмотреть на карту.

Пока Огонек препиралась с Дымом, Хоган изучал на виртуальном мониторе хранившуюся в памяти бортового компьютера карту квадрата, над которым они подвесили ракету. Один из участков заинтересовал его больше других, и капитан увеличил его для наглядности: в окружении скальных массивов на нем красовался кратер древнего вулкана. Застывшая внутри лава тысячи, а может и миллионы, лет назад образовала среди отвесных краев котлована глубиной в полтора километра ровное плато диаметром около двух километров — кальдеру. Ущелье, по которому они двигались, соединялось с плато широким проломом в гребне, примерно в километре впереди.

— Если нам предстоит столкнуться с неизвестным противником, то именно здесь очень неплохое место для засады, — задумчиво прокомментировал Хоган. — Как бы не пришлось прямо сейчас разворачиваться и топать обратно, под защиту базы. Если еще не поздно.

— И ты туда же, кэп, события торопишь.

Дыму предположения командира группы не понравились куда больше, чем треп Огонька. По натуре он был в определенной степени суеверен и считал, что неприятности обязательно случаются именно тогда, когда начинаешь о них говорить вслух. За двадцатилетний срок службы в вооруженных силах Коалиции Независимости он наблюдал немало таких совпадений. И ничем хорошим это не заканчивалось. Да и мысль о том, что его отпуск прямо сейчас может накрыться медным тазом, все больше портила ему настроение.

— А ты что, предпочитаешь спокойные армейские будни до самой пенсии? — съязвила Огонек. — Тогда что ты здесь делаешь? Я, например, давно мечтаю смыться отсюда и не скрываю, что военная служба мне осточертела, но от драки не откажусь... Что это, черт побери, такое?! Вы тоже это видите или у меня массовая миграция глюков в оперативке?

Дым сразу понял, к чему относится последняя реплика Огонька — в ВИУС наконец пошла информация от «мошкар», визуальные данные отразились на виртуальной панели, слу-

жившей пилоту глазами. И даже в коконе робота, несмотря на спящее тело и включенные эмоциональные фильтры, у него, что называется, перехватило дух. Нехорошо так перехватило. Крепко. До нервной дрожи.

– Пора уносить ноги, капитан. Накаркали, черти.

ГЛАВА 2

Сомаха

Какая-то добрая душа очень кстати расставила возле проходной пластиковые кресла. Мы с Зайдой оккупировали их без зазрения совести, не спрашивая ничего разрешения. И уже с полчаса законно занимались ничегонеделаньем. Пока высланная с федеральной базы «Зеро» группа военных не доберется до космопорта и не освободит от своего груза наш челнок, забитый техникой под завязку, от нас ничего не зависело. Затем условия контракта будут выполнены, и мы со спокойной совестью отчалим обратно на борт «Забулдыги» — нашего торгового корабля-внешника.

Молчаливый пассажир, которого мы подцепили на Сокте вместе с заказом, скрылся в сопровождении двух особистов в административном здании — они отловили его прямо у трапа, не успел Петр шагнуть с трапа на бетонку. Определенно недаром получали зарплату. Нас это не касалось. Порядок есть порядок, раз подписал контракт с военной базой, обязан зарегистрироваться и пройти проверку. Лайнус, наш пилот, испарился в направлении бара, расположенном в том же здании, воспользовался вынужденной задержкой. Ну а мы с Зайдой услуги местного сервиса дружно проигнорировали, решили наслаждаться видами и запахами природы. Торопиться нам некуда, товар доставлен в целости и сохранности, точно в срок, теперь дело за заказчиком — прима-полковником Алехой Чертым.

Погода, кстати, стояла замечательная.

Я люблю осень больше, чем другие времена года. Тем более осень на планете, где я родился и вырос. Прозрачный прохладный воздух, ясное и яркое солнце, отблески лучей на золотой листве деревьев, готовившихся к долгому зимнему сну. Зима бодрит морозом, но унылое низкое небо навевает тоску, давит на сознание, весна лихорадит оттепелями и запахами пробуждающейся природы, душлимая жара лета иссушает мозг даже в комнате с кондиционированной прохладой. Я люблю осень. Осень меня умиротворяет. Даже витавшие вокруг искусственные запахи — техники, оборудования, пластика, запах нагретых теплым ласковым солнцем поверхностей — не перебивали мощный аромат осени, долетавший из-за ограждения космопорта.

Именно поэтому мы с Зайдой бездельничали с таким удовольствием, предпочтя открытое небо и свежий воздух пропахшему пластиком пассажирскому отсеку челнока.

Используя сервисные возможности лоцмана, я лениво шарился по местной информационной сети, просматривая текущие новости на виртуалке. Изучал положение дел. Просто так, по привычке. Как типичный представитель нашей цивилизации, я не умею долго обходиться без определенной дозы свежей информации и пополнял копилку в лоцмане, где только возможно, зачастую даже не особо вникая в смысл. Ну и определенное любопытство, не буду скрывать, тоже имелось — как тут, на Пустоши, обстоят дела? Я долго отсутствовал. Заодно, используя систему спутникового наблюдения «Аргус», не забывал поглядывать на дорогу, ведущую к космопорту: мы кое-кого ждали и кроме военных.

А изменений, надо признать, здесь было много.

Во-первых, раньше, семь лет назад, космопортом на Пустоши называлась голая забетонированная площадка, способная принять не больше двух челноков одновременно, приземлявшихся исключительно на собственной тяге. Сейчас площадь посадочного поля увеличилась в несколько раз, а в центре красовались четыре полноценных терминала, оборудованных антигравитационными системами транспортных колодцев, помогавших как посадке, так и взлету кораблей. На одном из них — естественно, в данный момент выключенном — и «сидел» наш челнок класса «макси»: грузная, пузатая посудина, напоминающая перекормленную сигару со

сложенными подкрылками, которую ради шутки водрузили на шесть посадочных опор. Специальное покрытие корпуса впитывало солнечный свет, пополняя запасы бортовых энергоэлементов.

Но я отвлекся. Я ведь говорил о космопорте, а изменения коснулись не только посадочного поля. Во-вторых, вместо таможенной будки, представлявшей раньше всю административную часть, теперь стояло полноценное здание со всеми необходимыми службами — администрация, диспетчерская, таможня с оборудованным по последнему слову техники турникетом, комната отдыха, кабинет службы безопасности, бар, даже небольшая гостиница на десять комнат... Да много чего, нет смысла перечислять. Ремонтный ангар, возведенный в стороне от главного здания, тоже «подрос», как и складские помещения, плюс появилась масса более мелких построек для различных вспомогательных служб. На стоянке за проходной располагался пункт проката, оснащенный десятком грайверов. Новенькие, сияющие нарядным желтым окрасом, машины предназначались для проката приезжим за умеренную плату. Для полетов такие машины непригодны, мощности их антигравитационных толкателей хватает лишь на отрыв днища машины от поверхности земли на метр-полтора, зато они на порядок дешевле глайдеров, у которых потолок высоты триста-пятьсот метров, в зависимости от модификации. Но грайверы все же существенно дороже обычных трассеров — машин на воздушной подушке, которыми колония на Пустоши пробавлялась раньше. Так что я сделал закономерный вывод, что, несмотря на весьма существенную потерю основного источника прибыли, который позволял благоденствовать общине в прошлом, — Хрусталитов, дела у местного населения идут неплохо. Все эти характерные детали красноречиво свидетельствовали о бурно развивающейся местной инфраструктуре и крепнущих торговых связях с другими планетами. Время перемен. Военный конфликт, сопровождавшийся «разрушением жилого городского фонда и гибелью мирных жителей», как это отражалось в новостях тех лет, как бы цинично это ни звучало, пошел общине на пользу.

И еще, дорогу к Ляо, местной столице, — прямой как выстрел тридцатикилометровый отрезок — закатали в новенькое, идеально ровное полотно из серо-зеленого пластобетона. За этой дорогой, сидя в кресле возле проходной, я и наблюдал — с высоты орбитального полета, подстроив изображение до комфортного разрешения, одновременно любясь осенними пейзажами вокруг трассы — пожелтевшими полями и желто-багряными рощами. Благо сервис местной сети предоставлял подобные услуги. В данный момент по бетонке в нашу сторону бодро пылил старенький темно-синий трассер с открытым верхом, и ехать ему оставалось всего ничего, километров пять. Привычки неистребимы. Родители так и не сменили модель машины за эти годы. Не поддались новшествам...

На самом деле на космопорте трасса не заканчивалась: огибая его, она уходила дальше в центр Туманной долины, плавно сворачивая на север. И километров через сорок упиралась в береговую линию большого озера, разветвляясь и охватывая природный водоем гигантской вилкой с двух сторон. Озеро Нежное — курортный центр общины, с множеством мелких поселков по берегам и уютных гостиниц для приезжих из других концов долины. Сейчас, в свете новой политики общины, отказавшейся от изоляции, — и для гостей с других планет. Я любил там бывать с друзьями... когда-то. Но тех друзей уже нет.

Транспорт с военными должен появиться с этого направления. Спутниковое наблюдение за сектором гор, где расположилась закрытая военная исследовательская база, выведено из общего доступа, как и вся их техника. Так что машину заказчиков мы увидим только тогда, когда они уже доберутся до ворот космопорта, если, конечно, не будем выглядывать их намеренно. Ситуация меня несколько забавляла. Я и так знал, где находится эта «секретная» база, для которой мы привезли военный заказ. Любопытно. Весьма любопытно. Что же они там накопили, раз за семь лет эту базу не только не законсервировали, но, напротив, пополняют свежей техникой, усиливая оборону? Я был уверен на все сто, что Хрусталиты погибли. Соб-

ственными глазами видел, как исчезли в пламени обваливающиеся своды Чертога... Но дыма без огня не бывает. Хотя, возможно, исследовательскую часть базы давно свернули, оставив лишь военную составляющую. И решили усилить, чтобы не простаивало зря то, что уже отстроено. Все-таки Пустошь — развивающаяся колония Коалиции. И времена изоляции для нее, как ни крути, прошли. Насколько я знаю, Совет Старейшин Пустоши даже настаивал на том, чтобы военные силы Коалиции разместили свою базу на этой планете и впредь «оградили население от бандитских нападений». Еще бы. Самим содержать даже небольшую армию — весьма накладно. Пусть этим занимается «чужой дядя», у которого уже есть все необходимое — техника, вооружение, обученные специалисты.

И-да... Столько лет ноги моей не было на Пустоши. Вроде немалый срок. Но стоило вернуться, и воспоминания тех дней тоже вернулись. Наверное, проживи я эти годы здесь, они бы надежнее стерлись из памяти, а так, среди картин и впечатлений иных миров, мое прошлое лишь слегка обтрепалось, но не потеряло красок. И все же воспоминания изменились. Они меня больше не беспокоили. Как поговаривала Зайда, если не очиститься от прошлого, которое отравляет тебе жизнь, то и будущее у тебя будет не лучше. Я давно уже испытывал лишь легкое сожаление. И из этого состояния меня вряд ли что выведет на моей бывшей родине. Ключевое слово — «бывшей».

К месту говоря, я абсолютно не опасался, что меня кто-то узнает...

— Ну и что чувствуешь?

Неожиданный вопрос вывел меня из состояния внутреннего созерцания, заставив перевести взгляд на бикаэлку. Всем своим видом выражая такую ленивую скуку, Зайда, тем не менее, краем глаза приглядывала за квадратом на посадочном поле, в центре которого разместились «макси». Других кораблей на поле не было, подозрительные личности вокруг тоже не шастали, но она приглядывала по привычке, въевшейся в сознание за несколько десятков лет работы на внешнике. Немудрено — именно она по должности отвечала за безопасность людей и имущества с «Забулдыги».

— Любопытство, — ответил я, улыбаясь как можно безмятежнее. — Я чувствую любопытство. И все.

— Как это — все? — Зайда скептически приподняла брови. — А как насчет трепета в груди, щемящего узнавания, обостренной вспышки ностальгии и радости от возвращения? К примеру, не хочешь сбежать пометить территорию, как в сопливом детстве?

— Вот за что ты мне всегда нравишься, Зайда, — за неизменное чувство юмора. Никогда не упускаешь возможности позубоскалить на мой счет.

— Стараюсь, племяш, стараюсь. Как свалился на мою голову, так и стараюсь.

Зайда отвернулась, снова уставившись бдительным оком на челнок.

С тех пор как по всем документам я превратился в ее сводного племянника — полукровку-бикаэльца, она не оставляла насмешливо-покровительственный тон. Я видел, что ей откровенно нравится эта игра; с собственными детьми у Зайды как-то не сложилось, и сфабрикованное родство доставляло ей определенное удовольствие, хоть как-то реализуя дремавшие в глубине души этой сильной и волевой женщины материнские инстинкты. Что ж, я не против. У нас с ней отличное взаимопонимание, и ее опека никогда не бывает назойливой, она всегда тонко чувствует момент, когда следует остановиться.

«А ведь она совсем не изменилась за эти годы», — неожиданно понял я, продолжая разглядывать Зайду в профиль, разглядывать так, словно видел ее впервые. Наверное, именно возвращение на Полтергейст заставило меня взглянуть на нее по-новому, как и на все вокруг. Как и всякая бикаэлка, Зайда обладала невероятным для обычных людей ростом, даже сейчас, сидя, она выше меня на голову. Двести тридцать восемь сантиметров — не шутка. Добавьте к росту мощное телосложение, причем ни грамма жира, сплошные мускулы, и вы получите примерное представление об ее физическом облике. Черты лица немного тяжеловаты, но весьма

выразительны, рыжевато-шоколадную кожу — «фирменный» цвет бикаэлок, покрывает золотистая роспись затейливой татуировки. Густые иссиня-черные волосы заплетены в короткие, до плеч, косы, по две с каждой стороны они подковой огибают уши. Когда Зайда поворачивает голову, особым образом распушенные кончики кос с тихим шелестом чиркают по плечам — это ее фишка.

А ведь она и одета почти так же, как и семь лет назад, вдруг дошло до меня, — в безрукавку с массой карманов и кармашков, исполняющую роль разгрузочного жилета, да плотные бриджи, все — из синтекожи. Под жилетом она носила нательный топик с воротом под горло и короткими, до локтей, рукавами, на ногах — ботинки военного образца. Вся одежда сшита на заказ, на ее фигуре сидит как влитая, выгодно подчеркивая безупречные формы. И все же кое-что изменилось — раньше она предпочитала серебристо-серый или серо-стальной цвета, сейчас же вся одежда — насыщенно-черного цвета. А топик — белый. Для контраста. Зайда — удивительная женщина. Но когда бок о бок живешь с ней год за годом, удивительное становится обыденным. Мне всего тридцать один, но, глядя в зеркало, я с трудом узнаю в себе того пацана, каким был семь лет назад. Впрочем, последний раз свое истинное лицо я видел в зеркале полтора года назад. Зато Зайде уже шестьдесят восемь, а выглядит она максимум на тридцать пять, ну, может, на сорок, и на ее лице не прибавилось и морщинки с момента нашего знакомства, состоявшегося еще в моем детстве.

Внимание отвлек какой-то сбой в сети, я перестал видеть трассу, ведущую к космопорту, изображение на окне «виртуалки», отвечавшем за отслеживание движения, сменилось рекламными роликами о местной сельскохозяйственной продукции. Мысленной командой пришлось отсечь баннер, просочившийся в виртуальность лоцмана сквозь защитные программные блоки, одновременно я занес его в черный список — больше подобная «услуга» не появится.

Зайда сбой сети тоже заметила.

— Однако сервис здесь по-прежнему не на высоте, — прокомментировала она.

— Все равно пора встречать, они уже рядом.

Она поднялась, выпрямившись во весь рост, потянулась, разминаясь. Кивнула:

— Тогда пошли.

— Пошли, — я тоже встал.

— Точно не передумал?

— Нет. Хочу взглянуть им в глаза.

— Не вижу смысла, но дело твое.

Она подхватила небольшой кейс, стоявший у ее ног, и мы отправились в зал к таможенному турникету. Местные таможенники — двое молодых парней за стойкой возле напичканного сканирующей электроникой турникета — заметили наше приближение и тут же напустили на себя деловую озабоченность, стараясь незаметно одернуть мешковатую зеленую форму. «Людам определенно нечем заняться, — насмешливо подумал я, — так что шерстить нас будут минут десять, не меньше, если только Зайда их не осадит. А она это сделает запросто, с ней переливание из пустого в порожнее не проходит».

ГЛАВА 3

Петр

— Проходи, лейтенант, не стесняйся.

Петр Свистун спокойно шагнул в помещение, куда его привели двое особистов, затем посторонился, пропуская хозяев. Служебный чип, встроенный в форму капрала, еще на летном поле выдал на лэптоп пилота краткую информацию: Ронор Журка, капрал, служба безопасности военной базы «Зеро». Офицер представился сам — капитан Юрин Семик. Обычное правило секретных служб — информация со служебных чипов старших чинов доступна только для внутреннего пользования среди своих, так что Петра это не удивило.

— Положи ранец на лоток сканера. Встань лицом к стене, руки за голову, ноги раздвинь на ширину плеч. Не обижайся, парень, правила есть правила.

Петр Свистун молча выполнил требования капитана. Прием его насторожил, хотя он и не подал виду, что чем-то обеспокоен. Его личные данные и форма контракта, заключенного на Сокте в вербовочной конторе, давно должны были поступить на Пустошь по гиперсвязи. Но волноваться пока рано, разные накладки случаются. И разные люди встречаются, со своими представлениями о том, как следует выполнять служебные обязанности.

Грузный капрал, тяжело сопя за спиной, словно поднимал тяжеленную штангу, а не водил над его телом почти невесомым ручным сканером, сосредоточенно занимался работой не меньше минуты, начав с шеи и закончив ботинками.

— Оружия нет, — невнятно пробасил Ронор Журка, глотая окончания слов. — Вроде чист.

Петр мысленно усмехнулся. Еще бы. За это он должен «благодарить» бикаэлку с внешника, доставившего его на Пустошь. Ссылаясь на правила, установленные на борту, она настояла, чтобы все личное оружие пассажир упаковал в свой походный ранец, а ранец, естественно, сдал в багажное отделение под замок. И не разрешала вооружаться, пока Петр не покинул челнок. Так что «соски» (уничижительное сокращение от «секретные службы») подхватили его под руки прямо возле трапа безоружным. Впрочем, Петр с ними воевать не собирался. Он прибыл сюда служить.

За его спиной между особистами состоялся довольно занятный диалог:

— Ронор, друг сердешный...

— Ага.

— Отвечай по форме, твою мать, — не повышая голоса, почти благожелательно «поправил» офицер.

— Я, мой капитан!

— Ты когда научишься нормально выражать мысли? — язвительно проворчал капитан Семик. — Никогда тебя не поймешь, то ли ты выполнил работу, то ли попросту просачковал. Так объект «чист» или «вроде чист»?

— Чист.

— Ну вот. Можешь же, когда захочешь?

Капрал обиженно шмыгнул носом. Неуверенно добавил:

— Вроде.

— Тьфу на тебя, Ронор. Да почему «вроде»? Ты проверил его сканером? Чего молчишь? Проверил?

— Проверил.

— Сканер что-нибудь обнаружил?

— Нет. Вроде ниче...

– Стоп! Стоп, я сказал! Ронор, я тебя когда-нибудь пристрелю. Собственноручно. И пусть меня после этого попрут со службы, но эту трудную и полезную общественную работу кто-то должен сделать. Ты даже не представляешь, сколько людей, которые сталкиваются с тобой ежедневно, вздохнут после этого очищающего акта свободно — оттого, что твоя постылая рожа больше не мелькает в «свободном доступе» и не наводит на них тоску. Ладно, закончили, тебя я и позже могу отдрессировать, а то гость заждался. Вольно, пилот.

Поворачиваясь к капитану, Петр машинально покосился на обыскивавшего его типа — здоровенного нескладного бугая в полевой форме. Физиономия капрала и цветом, и формой напоминала плохо прожаренную отбивную, на которой какой-то шутник забавы ради небрежно, как в сырой глине, выдавил пальцами черты лица, а угловатый череп вместо волос, словно грязная пена, покрывала серая трехдневная щетина. Видимо, капрал частенько любил бриться наголо. Кроме того, от капрала ощутимо пованивало. Запах немытого, непрерывно потеющего тела, казалось, заполнил собой все помещение, делая работу сплит-системы, обслуживающей помещение, настолько тщетной, что ей впору было покончить самоубийством — посредством короткого замыкания электропроводки. Приходилось стоически терпеть. Вряд ли его задержат здесь надолго.

Дизайн служебного кабинета «сосок», в отличие от его обитателей, на оригинальность не претендовал. В первый же момент, когда Петр шагнул в комнату, ему даже померещилось, что он оказался на Двойном Донце, в кабинете Танити Стокс, своего бывшего начальника службы безопасности КВО «Правопорядок» — коммерческой военизированной организации, в которой он служил последние три года. Но все же отличия были. Просторная комната, светлые стены, встроенные в потолок световые панели, напольный сканер для крупногабаритных предметов, два рабочих стола, один простой, второй — многофункциональный, со встроенными терминалами внутренней и орбитальной связи. За этим столом, откинувшись на высокую спинку удобного кресла, и расположился капитан Семик — плотный, полноватый мужчина невысокого роста, лет пятидесяти, в потрепанной серо-зеленой камуфляжной форме. Крупная голова капитана была несколько несоразмерна его телу, а мелкие черты лица на круглом, скуластом лице с широким тупым подбородком только подчеркивали эту нелепость — нос-пуговка, маленькие, близко посаженные глаза, узкий рот-бутон — все это теснилось где-то посередине физиономии, оставив массу места для творчества. Кроме того, капитан, похоже, был альбиносом. Коротко стриженная шевелюра белела, словно грязноватый талый снег, кожа, несмотря на солнечную осень за окном, была бледной, а глаза — светлые, красноватые по краям век, как от недосыпания, радужка почти неотличима от белка. Петр тут же подумал, что такими глазами славятся шелтяне, но капитан вряд ли к ним относился, наемники с Шелты высоко ценят свою независимость, не станут связывать руки постоянной службой в рядах каких-либо вооруженных сил.

Петра капитан рассматривал с каким-то мрачным удовлетворением, словно бы обещая грядущие неприятности. Что выглядело вполне естественно — добродушный характер и такая физиономия, как у него, просто несовместимы.

– Сядь-ка вот сюда, пилот, поговорим.

Капитан ткнул коротким пальцем в кресло напротив — предназначенное для посетителей, на порядок попроще и подешевле, чем у него самого. Такое же простенькое стояло за вторым столом, видимо, капрал на шикарное кресло еще не заработал. Садиться на свое место он не спешил, пристроился шумно сопеть над ухом. Столь повышенные знаки внимания Петру не понравились. Пованивало. Точнее уже смердело. И как только капитан выносит своего помощника? Простая душевая кабинка с таким клиентом вряд ли справится за один сеанс. Запереть бы его на недельку в автомойке, заправив ее самым ядреным средством для чистки военной техники.

Петр потянулся забрать с лотка сканера ранец, но капитан живо пресек попытку:

– Нет-нет, пилот, личные вещи тебе пока не понадобятся, я с ними еще не закончил. Садись, тебе говорят. Вот так уже лучше. Удобно? Не жмет, не давит?

– Нормально.

Кресло было жестким, но и Петр к неженкам себя не относил. Приемлемо. Капрал тут же встал за спиной, решив, видимо, изображать его тень. Почти нестерпимо захотелось ему врезать. Петр частенько страдал от собственного взрывного характера. Где бы он ни служил, гауптвахта всегда была для него родным домом, а караульные радовались ему как близкому родственнику при каждом появлении в их вотчине, заключая ставки, сколько дней он продержится на воле после очередной отсидки. Спасало его одно — он действительно являлся отличным пилотом боевых роботов и сразу после гауптвахты неизменно отправлялся нести службу.

– Замечательно. Тэ-эк, тэ-эк, что тут у нас на сканере... — Капитан изучал содержимое ранца на голоэкранчике, развернувшись над столом, попутно выдавая отрывочные комментарии: да... ничего особенного, привычный набор... разве что вот это... и это... Но конечно же личное оружие и амуниция внесены в список разрешенных к ношению предметов... ага, вот и списочек с разрешениями, кто бы сомневался... — капитан бросил на Петра пытливый взгляд. — Меня беспокоит совсем иное, пилот. Меня беспокоит, по какой причине я тебя вообще здесь вижу. Ладно, посмотрим твою «личку». Капрал, хватит изображать столб, тут подпирать нечего, кроме потолка, но до него даже твоей гипертрофированной башкой не достать. Лучше кофе приготовить. И прекрати разносить вонь, иначе я тебя за дверь выставлю, достал уже.

После замечания капитана вонь и вправду уменьшилась, и не только потому, что капрал отошел к противоположной стене, где находился сервис-комбайн. Петра это слегка озадачило. Что бы это значило — «разносить вонь»? Капитан Семик, сидя с отрешенным взглядом, углубился в изучение материала. Экран на столе он на этот раз проигнорировал, использовал виртуалку лощмана. Решил, понятное дело, максимально засекретиться от любопытных взглядов, словно Петр подглядывал ему через плечо.

Краткое досье с личными данными и послужным списком, которое полагалось носить при себе в виде зашифрованного файла, так называемую «личку», Петр скинул на лощман капитана сразу по прибытии и был уверен, что тот давно уже посмотрел все необходимое. Полное досье на всех наемников хранится в федеральной базе данных. Когда он подписывал контракт на Сокте в вербовочной конторе от министерства обороны Коалиции, его досье должны были запросить и переслать к месту службы. Теперь «соска», по-видимому, сверял оба файла с данными. Паршивая у «сосок» работа — копать в чужом нижнем белье. Но кому-то и ее нужно делать. Петр точно знал, что такая работа не для него. Его жизнь — пилотирование робота. Его хобби — оружие. Способ разрядки — набить кому-нибудь морду. За дело. А дело находилось всегда, было бы желание найти. К примеру, Петр терпеть не мог, когда на него повышали голос. Издержки воспитания. Его папаша, уже старый, уважаемый кланом наемник, от природы обладал тихим, интеллигентным голосом, и когда ругался, мог этим самым «тихим и интеллигентным», да еще индифферентным, топом говорить ужасные гадости как сыну, так и окружающим. И ему это большей частью сходило с рук. Его оскорбления выглядели безобидными. Именно такими Петр и привык их слышать. Но в устах других людей любой мат с повышенной эмоциональной окраской вызывал в его душе резкое патологическое отторжение. И обычно сопровождался рукоприкладством. Иногда он бил даже раньше, чем успевал осознать, что именно услышал. Иногда просто не хотел сдерживаться. Нередко невзирая на звания и заслуги объекта внимания. Неудивительно, что люди в любом коллективе, в котором ему доводилось существовать продолжительное время, рано или поздно становились вежливыми и обходительными друг с другом. По крайней мере, в присутствии Петра. Ну а себя он в обиду не давал, боевая выучка, которую он прошел в родном клане Скорпионов, вполне позволяла ему выходить без особых потерь после попыток сделать ему темную. Так что дешевле выходило терпеть его причуды, чем пытаться от них отучить.

— Так-так, родом с Котусси-Сонгердана, двадцать восемь лет, отработал контракты... ну это место я знаю... а об этом ничего хорошего не слышал... а здесь совсем неинтересно, просто отстой... ага, неплохо, неплохо, награда за боевые действия во время Суда Арбитра на Двойном Донце, даже денежное поощрение... редкое событие в нашей вялотекущей жизни... Ронор, я кофе дождусь?

— Ну так программа же... — виновато пробасил за спиной Петра капрал. — Еще две минуты...

— Может, тебя самого в аппарат засунуть, чтобы шестеренки крутил быстрее, если они там есть, конечно, потому что в твоей башке их точно нет. Что ты там корчишь на своей дебильной роже? Верь мне, шестеренок у тебя нет, я тебе это и без сканера скажу. Или ты сомневаешься насчет вместительности аппарата? А зря. Надо будет — засуну. Ну и что, что ты больше, чем аппарат? Ладно, все, не отвлекай меня от дела, вечно дергаешь меня по пустякам...

Капрал только горестно вздохнул, не посмев возразить.

Повернув голову, Петр отстранение смотрел в окно, занимавшее всю стену. Наверняка с односторонней светопроводимостью. Из кабинета был отлично виден челнок с «Забулдыги». Разгрузка еще не начиналась, рядом он не заметил ни единой души. К монологу офицера он отнесся как к жужжанию насекомых — назойливому, но совершенно безвредному. Торопиться ему некуда, военные с базы еще не прибыли за грузом, а Петр намеревался уехать с ними. Конечно, беседе с «соской» он предпочел бы посещение местного бара или подышал бы свежим воздухом снаружи, что сейчас особенно актуально, учитывая парившие в кабинете ароматы, не имеющие ничего общего с запахом готовящегося на автомате кофе.

Звякнул автомат, сигнализируя об окончании процесса. Сопение за спиной усилилось, приближаясь, — Ронор нес кофе. Запах, кстати, не ахти, хорошо, что капитан не страдал гостеприимством — такую гадость Петр употреблять бы не стал даже бесплатно. И тут, поравнявшись с Петром, капрал вдруг взвыл, словно на его глазах только что расстреляли всю его семью. Это было настолько неожиданно, что Петр не успел остановить инстинктивный порыв. Капрал рухнул без признаков жизни, словно мешок, набитый тряпьем. Глаза закатились, и без того опрокинутая чашка, задетая тяжелой рукой, покатилась под стол капитана, разливая остатки темной жидкости — собственно, из-за нее и вышел весь кавардак, капрал умудрился споткнуться на ровном месте и выронить кофе.

Обратно Петр сел уже не спеша, разминая правый кулак пальцами левой руки. Скула у капрала оказалась словно железная, едва запястье не выбил. Удивительно, но вонь, исходившую от недоноска, как отрезало. И как это понимать?

Что любопытно, капитан в кресле даже не шелохнулся. Не пытаясь вскочить или схватиться за оружие, он лишь уставился на Петра с каким-то нездоровым вниманием, словно тот не его помощника вырубил, а просто чихнул некстати. Опасный тип. Очень уж уверенно держится.

— Ловко, — довольно спокойно прокомментировал капитан Семик. И участливо поинтересовался: — На гауптвахте давно последний раз был?

— Месяца три назад.

— Совпадает. В досье указано, что уволился ты два месяца назад. Что помешало продлить контракт? Не отвечай, я уже догадался — стоит бросить взгляд на бессознательно счастливое лицо моего капрала, как сразу становится ясно, что ты просто заскучал среди привычных соратников, захотелось свежих впечатлений и знакомых тюремных запахов. Ну и за что ты его?

— Громкие голоса меня пугают, — с деланным равнодушием усмехнулся Петр. — С детства. Само собой вышло.

— Да-а, с тобой не соскучишься. Ладно, вернемся к нашему делу. Так вот, грустно признаваться, но у меня простая работа, пилот. Я высматриваю подозрительных субъектов, прибывающих на планету. И твое появление — это просто праздник какой-то. Я начинаю верить

в высшую справедливость, в то, что не зря потратил семь лет жизни, прозябая в этой дыре. Да нет, платят неплохо, если ты об этом подумал, на это я не жалуюсь. Но ничто так не убивает смысл жизни, как отсутствие результатов повседневной деятельности...

— Когда я смогу отправиться к месту прохождения службы?

— Не любишь бездельничать, похвально. Но перебивать некрасиво. И пару дней в карцере ты все же отсидишь, порядок есть порядок. Иначе Ронор меня не простит. Сам должен понимать, авторитет — штука хрупкая, стоит недоглядеть — и в мое кресло сядет Ронор, а я побегу готовить ему кофе. Мне это надо?

— Я готов.

— Сядь. Я еще не закончил разговор. Сядь, говорю, карцер никуда не убежит, это тебе не девственница на первом свидании. Так-то лучше. Косишь под тупого? Уверю тебя, актер из тебя хреновый, так что оставь бесплодные попытки, не изображай неприступную крепость под натиском превосходящих сил противника...

Рядом ошутимо завоняло. Капитан отреагировал с отеческой улыбкой:

— Ронор, поздравляю с возвращением в мир живых.

— Да... мой капитан.

— Поднимайся, хватит изображать труп, мне и твоей вони хватает, без хладного тела в собственном кабинете как-нибудь перебыюсь.

Петр не оглянулся. Капрал его мало интересовал. Ответного выпада он не опасался. Не все такие сумасшедшие, как он, а капрал, несмотря на впечатляющие габариты, явно рохля, будет колебаться даже после прямого приказа начальника.

— Вот с таким вот контингентом и приходится работать, — поморщился капитан. — Но у Ронора есть неоспоримое качество — чутье на неприятности. За что и держим. Ронор, чувствуешь неприятности?

— Ага... Да, мой капитан!

— Еще бы, небось уже в заднице свербит. Прикрути запах, а то блевать уже тянет. Как только закончу с нашим контрактником, займусь я тобой как следует. Харю отъел на казенных харчах — в дверь тараном скоро вбивать придется. Прислали тебя на мою голову. Ничего, я с тобой поработаю, уже набросал план твоей переподготовки. Будешь летать у меня по взлетному полю вместо истребителя, понял? Все нормативы по физической подготовке сдашь в кратчайшие сроки. Или вылетишь со службы. Так что выбор за тобой, истребитель ты мой легкокрылый, плохо напильником обработанный и под бульдозер заточенный...

— Мой капитан, я...

— О как. Строптивость демонстрируем, капрал?

— Я о неприятностях, мой капитан...

— Ты что, мне угрожаешь?

— Никак нет! Я чувствую, неприятности будут с этим парнем!

— Ах вот оно что. Ну я и без тебя уже понял. По твоей вони. Ты ведь у нас очень специфический специалист, так что помолчи пока и сделай наконец кофе! Подожди-ка, тут твоя чашка валяется, сейчас мы ее ботиночком... Вот. Хорошо пошла. Прямо как в детстве по мячу... Молодец, что поймал. Только не вздумай в нее наливать, возьми другую. Итак, пилот. Твое досье я посмотрел очень внимательно. Контракт с тобой оформлен по всем правилам. Но есть одна прикольная проблема. Меня прямо тащит и плющит. От радости. В кои-то веки занимаюсь настоящей работой. А знаешь почему?

Петр холодно проигнорировал вопрос. Проблемы этих двух человечков его мало интересовали. Тем более затеянная в его присутствии клоунада.

— Эх, какой же ты необщительный тип, пилот. Мне же неинтересно в двух лицах распинаться — и за себя, и за тебя. Хотя опыт забавный. Примерно как онанизмом заниматься. А ведь по всему выходит — ты шпийн. А шпийнов мы не любим. Не томи, выкладывай, на

кого работаешь? Молчишь. Хотел бы я знать, ты действительно не понимаешь или притворяешься... Открою тебе страшную тайну — мы не ждем пополнения, парень. Штат базы укомплектован полностью, запроса на пополнение не было, база на Пустоши закрыта, сюда если и присылают, то трижды проверенных людей. А ты — контрактник со стороны. Да еще и с такой поганой личкой. Чуть собачья. Ты просто не мог сюда попасть.

— Меня это не касается. Может, закончим этот треп?

— Да что ты, мы только начали, — с ласковой укоризной покачал круглой головой капитан. — Предстоит столько интересной работы, что я прямо как на иголках. Прежде всего, придется отправить запрос в разведуправление на установление твоей личности и подтверждение представленных тобой данных. Эх, пилот, заставляешь нас идти на лишние расходы, ГТ-связь ведь недешева... Но ничего, если сотня-другая налогоплательщиков потуже затянет пояс, то с них не убудет, может, даже напротив, обретут спортивную фигуру...

Петр уже встречал таких людей. Таким типам почему-то кажется, что обо всем в этом мире им заранее известно. Петр не собирался рассказывать, что на самом деле побудило его появиться здесь, на Пустоши. Но как избавиться от назойливого любопытства особиста?

Помог случай.

Капитан осекся на полуслове. По отрешенному взгляду было ясно, что он считывает с виртуалки поступившую информацию. И информация оказалась важной. Настолько, что на лице особиста красноречиво проступило великое сожаление — еще бы, пришлось прервать такое увлекательное занятие — ознакомительный допрос.

— Ронор!

— Кофе, мой капитан!

— Да засунь ты этот кофе... Присмотри за нашим подопечным, мне нужно отлучиться на взлетное поле. И хлебалом не щелкай. Еще раз так меня опозоришь, месяц из карцера не выберешься, я лично прослежу, чтобы тебя весь срок держали на одной воде, выйдешь стройным и красивым... Хотя в принципе это невозможно, но ради тебя поломаю любые принципы и пойду на подвиги по перевоспитанию. Аты, пилот, не шали, посиди смирно, может, все и образуется, запрос я уже послал.

Низкорослый капитан живо поднялся из-за стола, вытащил из ящика стола форменную кепи и, натягивая ее на шарообразный череп, вылетел из кабинета, словно мяч после хорошего пинка.

Капрал же тяжелым шаркающим шагом обогнул Петра по широкой дуге, предусмотрительно держась от него подальше, и уселся в кресло начальника, кое-как впихнув в него широкий зад. Капитан Семик, наверное, даже и не подозревал, насколько его предположения насчет родного начальственного места были близки к истине. Не спуская с пилота сумрачного взгляда, капрал молча вынул из поясной кобуры и положил на стол перед собой станнер, отключил предохранитель, поставил оружие на боевой взвод — на стволе сбоку замигал зеленый огонек.

Петр не обратил на него внимания, напряженно решая в уме возникшую проблему. «Не образуется», — мысленно возразил Петр Свистун капитану Семику. Эта дотошная скотина обязательно докопается до истинного положения вещей. Не хотелось начинать свое прибытие сразу с конфликта, но что-то нужно было предпринимать, и срочно. Или он наконец приблизится к своей цели, или потерпит крах, и в лучшем случае его вышибут с планеты, не переломав кости, а всего лишь оштрафовав. Такой вариант его совершенно не устраивал. Приняв решение, Петр спокойно встал.

— А ну сядь... — начал было капрал, потянувшись к станнеру.

Проверенный метод сработал без осечки. Для подготовленного воина клана Скорпионов, а Петр уже в юности славился скоростью атаки, это животное в человеческом обликии, посмевавшее надеть военную форму, двигалось слишком уж медленно. Удар отбросил капрала на стену, падая, он с грохотом перевернул кресло. Петр шагнул ближе, проверил его состояние, собира-

ясь в случае чего добавить. Но капрал и без того вырубился, слабая способность держать удар в голову подвела и в этот раз. Петр подхватил ранец и быстрым бесшумным шагом вышел за дверь, не забыв аккуратно прикрыть ее за собой. С персоналом в местном космопорте негусто, но мало ли кто пройдет мимо, а поднимать бучу раньше времени незачем.

ГЛАВА 4

Кассид

По просторному камбузу торгового корабля-внешника «Забулдыга» плыл непередаваемо волшебный запах собредского влопа, исходившего паром на термоплитке. Влоп доходил. Еще десять минут и...

Пристально наблюдая за процессом приготовления и шумно вдыхая носом соблазнительные запахи, Кассид Кассиониец издал утробный рык в предвкушении неотвратимо приближающегося удовольствия. Поест он любил. А поест хорошо и вкусно любил особенно. Профессия межзвездного торговца в сочетании с патологической ленью слабо способствовала развитию каких-либо посторонних умений, не имевших отношения к его основной деятельности, он мало что умел делать своими руками, разве что снести какому-нибудь хаму челюсть в хорошей драке (редкое удовольствие — привычка к деловым переговорам и компромиссам практически исключала такое приятное времяпровождение), но он умел и любил готовить пищу. В основном — для себя, потому как нетерпеливые и всеядные компаньоны обычно довольствовались стряпней кухонных автоматов — быстро и относительно качественно. Но Кассиду нравился сам процесс!

Особенно когда заняться абсолютно нечем.

Особенно когда некому насмехаться над его увлечением...

Едва он так подумал, как из-за правой ляжки Кассида, чуть выше колена, сперва осторожно высунулась большая пластиковая поварешка, зажатая в пальцах тонкой металлической лапки, затем показалась плоская голова-тарелка с блестящими бусинами видеосенсоров. Насмехаться некому, а вот нежеланный помощник всегда при нем. То есть при камбузе. Услужливый повар-стюард молча протестовал против своего отстранения отдела, ради которого он и обитал в камбузе. Протестовал-то он молча, но назойливо пытался проявить инициативу, невзирая на неоднократные отпихивания башмаком Кассида. Робот выглядел презабавно. Росточек всего в полметра, тонкое цилиндрическое тельце, ручки-ножки в виде металлических прутиков — словно несчастное создание с самого момента «рождения» сидело на голодном пайке. Но за кажущейся забавностью, нередко усыплявшей бдительность клиентов на борту корабля, крылась совсем иная сущность — экзот-роботы класса «скелетон», созданные компанией «РобоТех» для охранной деятельности, при необходимости отлично справлялись не только с обязанностями поваров и стюардов, но и вышибал.

Кассид снисходительно хмыкнул, вознамерившись отвесить роботу подзатыльник, — мощная лопатообразная ладонь спикировала вниз, как тяжелый бомбардировщик, но экзотик ловко увернулся и опасно отбежал на пару шагов.

Кассид несколько не сомневался, что через минуту робот предпримет еще одну попытку.

Надо бы попросить Сомаху подвинтить ему мозги. Незачем повару-стюарду быть таким услужливым, когда Кассид *сам* занимается делом... Мысль мелькнула и ушла, чтобы вернуться в следующий раз и снова быть благополучно забытой. Кассид продолжил наблюдать за процессом готовки, так как, кроме приготовления любимого блюда, заняться действительно было нечем.

«Забулдыга» плавал на тысячекилометровой орбите над Полтергейстом. Кассид находился на корабле один, и одиночество, как всегда, вызывало у него стойкий дискомфорт, сходный по ощущениям с тянущей зубной болью, на той самой стадии, когда трясти за грудки врача-зубодера еще вроде рано, но задуматься о лечении уже стоит. Именно в такие моменты Кассид приходил в камбуз. Для собственного успокоения и поднятия настроения. Последние сорок лет он провел с двумя компаньонами — бикаэлкой Зайдой и тавеллианцем Лайнусом.

Первая следила за тем, чтобы ничто не мешало увеличиваться благосостоянию Кассида, проще говоря, отвечала за безопасность на «Забулдыге» в самом широком смысле слова — приличное поведение пассажиров, переговоры с торговыми клиентами, не выходящие за рамки угроз и приличий, гарантия выполнения заключенных сделок, контрабандные операции на грани фола... да много чего. Второй, тавеллианец, штурман-пилот, постоянно прятал свои истинные чувства за маской внешней холодности и бесстрастности — это его излюбленная игра. Ему нравилось производить впечатление на окружающих именно таким способом. Бог его знает, когда ему надоест. Может, и никогда, у многих выходцев с Тавеллы сидит в башке подобный винтик. Последний член экипажа, Сомаха Олиман, паренек весьма даровитый, техник-эксперт корабля, ходил на «Забулдыге» не так долго, как тавеллианец и бикаэлка, но и за семь лет Кассид начал к нему относиться как... ну, примерно как к приемному сыну. Особенно такому отношению содействовали те печальные обстоятельства, благодаря которым Сомаха вынужден был оставить свою планету и стать членом экипажа корабля-внешника Кассида... Да, за много лет торговец здорово привык к своему экипажу, и следует признать, что он стал излишне сентиментален...

Грустно рыкнув, Кассид наклонился над вместительной емкостью, в которой готовился влоп. В какой-то момент ему показалось, что он слегка пережарил, но контрольное обнюхивание опровергло подозрение. Влоп доходил строго по времени. На всякий случай торговец запустил в блюдо указательный палец, толстый и синюшный, словно протухшая сосиска, коротким желтоватым когтем подцепил кусочек мяса и отправил в рот. Сосредоточившись на вкусовых ощущениях, задумчиво прожевал, перетирая мясо крепкими квадратными зубами. Судя по незамедлительной и однозначной реакции слюнных желез, извергнувших водопад в его глотку, с блюдом все было в ажуре.

Небрежным взмахом руки прервав очередную попытку стюарда перехватить инициативу, он снова выпрямился. В никелированных гранях кухонного комбайна причудливо отразилась шевельнувшаяся фигура кассионийца. Кассид прекрасно осознавал, как он выглядит — как ходячий робот, прибывший прямиком из воинства ада, и тщательно следил за поддержанием наработанного годами имиджа. По незыблемой традиции на родной планете — Кассионии — и сам он, и его соплеменники были помешаны на косметической биотрансформации. На лбу торговца торчали два белоснежных рога, свитые из жестких, как проволока, волос, брови тоже были завиты в рожки, но поменьше, а белки глаз в плоских, почти лишенных рельефа глазницах, разнесенные приплюснутым широким носом с узкими ноздрями, неестественно выделялись на ультрамариновом лице. Мощное, почти двухметровое тело торговца защищала ртутно-зеркальная одежда из ткани с энергоподпиткой, способная превращаться в довольно прочную броню при малейшей опасности, а квадратный корпус, для вящей сохранности владельца перед грядущими опасностями, обтягивал любимый жилет из композит-пластин. Одним словом, как внешне, так и внутренне Кассид являлся чистокровным кассионийцем. Ради справедливости следует отметить, что искусственные волосы и неестественный для человека цвет кожи и зубов — это еще так, мелочи. Кассиду приходилось видеть и более экстравагантные образчики с родной Кассиопии. И это считалось нормой.

«Тэа-ак, на чем мы там остановились?» — подумал Кассид.

Ах да. Компаньоны. Все компаньоны в данный момент находились на планете. Контракт на транспортировку груза для военной базы Коалиции Кассид заключил еще на Сокте, выловив предложение в информационной сети планеты. Быстро и без проблем обговорив все необходимые условия с заказчиком (для торговцев с Кассиопии, по давней договоренности с официальными властями, на подобные сделки всегда горел зеленый свет), остальную работу он предоставил экипажу. По прибытии на Пустошь Лайнус доставил вниз грузовой челнок, в обязанности Зайды вменялось проследить за порядком при разгрузке трюма, а Сомаха...

Да, Сомаха. Отчасти из-за него Кассид и пошел на этот контракт. Никакой особой выгоды он ему не нес, обычная рутина — минимум хлопот, но и минимум прибыли. Что-то вроде небольшого отдыха перед какой-нибудь действительно увлекательной сделкой. В прошлом с общиной Пустоши он вел весьма доходные дела, но это было давно, а сейчас с этой планеты хорошую прибыль содрать невозможно, поэтому и делать на ней нечего.

Кассид шумно вздохнул, прогоняя непрошенные мысли. Прошло и забыто. Свет клином не сошелся на упущенной прибыли. Родственнички из многочисленной торговой семьи «Хэнки и сыновья», к которой Кассид имел сомнительную честь принадлежать, все время старались перебежать ему дорогу, и многие из них успели выслужиться до директоров крупных компаний-филиалов с сотнями кораблей и десятками тысяч персонала. Но, несмотря на махровую конкуренцию с их стороны и разнообразные заподлянки, которые они ему регулярно подкидывали, он все равно процветает. Благодаря Сомахе. Черные губы на синем лице Кассида растянулись в широкой ухмылке, обнажая крепкие ярко-желтые зубы. Не в его характере стремиться к власти и чрезмерной ответственности. Вполне хватает заботы о своих людях. Зато эта забота не была абстрактной, как у больших руководителей крупных коллективов. Ну а на жизнь ему хватало, деловой хватки, как и у любого кассионийца, у него не отнимешь. Поэтому лично его вполне устраивал один-единственный корабль с персоналом из трех человек. Зато его корабль-внешник стоит десятка обычных кораблей иных торгашей как по грузовой вместимости, так по ходовым качествам и вооружению. Последнюю переоснастку он делал как раз два года назад, после событий в системе Рапира, где нечистоплотный клиент пытался взять «Забулдыгу» на бордаж и забрать на халяву весь его товар — груз боевых роботов, доставленных по контракту для «Правопорядка», коммерческой организации, защищавшей планету Двойное Донце. С халявой не вышло тогда, и тем более не выйдет теперь, после перевооружения...

Тьфу ты. Опять отвлекся. Итак, Сомаха. И контракт. Взаимосвязаны они очень просто: планета, болтавшаяся под «Забулдыгой», была *та самая*. Именно с нее Сомаху выперли несколько лет назад. И он упорно не хотел сюда возвращаться, чтобы хоть как-то изменить прошлое, сгладить его последствия. Непримиримость, однако. Последнее время душевное состояние Сомахи Кассиду ох как не нравилось. Парень здорово изменился по характеру. Циничен. Презрителен. Для него больше нет авторитетов. И куда только подевался тот наивный и добродушный мальчишка, который когда-то ступил на борт «Забулдыги» впервые? Да и изменение внешности, сдается, тоже сыграло роль. Не исключено, что в биокосметических лабораториях с ним перестарались, затронув какие-то глубинные структуры сознания. Теперь он — бикаэлец-полукровка, со всеми вытекающими. Идея принадлежала Зайде. Ох, не нравилось это Кассиду, очень, рэ-эррр, не нравилось. Парень словно вжился в чужой образ, надел несвойственную ему маску. Кассид не знал, в чем, собственно, корень всех зол, но полагал, что без родовых корней любому будет тяжело, он, например, не представлял себя без своей Кассиопии и регулярно посещал планету два-три раза в год. Но не бывать на родине семь лет! Это уже ни в какие рамки не укладывается.

Вот только ради этого и стоило взять малоприбыльный заказ.

Может, посещение родины хоть как-то встряхнет парня. Вернет его характер к первоначальному, хотя бы отчасти. Не хотелось бы терять столь ценного спеца в психушке. Реабилитационная коррекция сознания не всегда дает стопроцентную гарантию...

Воспользовавшись тем, что шеф ушел в мысли глубоко и надолго, несуразный стюард все-таки прорвался к плите. И уже лез поварешкой под крышку широкой плоской кастрюли, нарушив тем самым температурный режим приготовления влопа, когда Кассид двумя пальцами схватил экзотика за шею и вздернул в воздух. Тот жалобно пискнул, беспомощно дернув четырьмя конечностями, бусинки-сенсоры на плоской голове отчаянно замигали.

– Клянусь Кошельком Денежного Бога, железная морда, я тебе башку оторву, если сунешься еще раз! — прорычал кассионец.

Затем грузно протопал к двери и выставил стюарда вон. Его можно и отключить, но... Но Кассиду такие меры не по душе. Единожды включенное, любое механическое создание на его борту имело право на непрерывное существование. Он сам установил такие правила в незапамятные времена. И сам теперь страдал. Поймав себя на этой мысли, Кассид саркастически улыбнулся. Как это показательно — пострадать от собственных причуд...

– Шеф, вынужден побеспокоить, — монотонно заговорил бортовой ИскИн «Альт» через громкоговорители отсека. На время священнодействия на камбузе Кассид намеренно отключил лоцман и максимально полно отрешился от информационной компьютерной суеты внутри своего разума. Но оставил лазейку на случай непредвиденных обстоятельств для ИскИна — в виде исправно работающей внешней связи.

– Чего тебе, рэ-эррр? Покороче.

– Сканеры.

– Не настолько же буквально, Альт! Несколько слов у тебя все же есть.

– Сканеры засекли сильное гравитационное возмущение, расстояние — семь тысяч километров.

По космическим меркам — руку протянуть.

– Ага. И кто пожаловал?

– Неизвестно.

– Ну так проведи идентификацию, все тебя учить, как нужно работать...

– Невозможно.

– Подробнее, Альт, рэ-эррр! Будешь так цедить ответы, проломлю твою электронную башку! Если ты наивно полагаешь, что мне неизвестно ее местоположение на корабле, то ты крупно ошибаешься...

– Не могу засечь объект для идентификации.

– Это что же получается, возмущение массы есть, а объекта нет? Альт, морда ты искусственная, а приборы, вообще, в порядке?

– В норме.

– Проведи дополнительную диагностику систем, я все же не уверен.

– Приборы в норме, — бесстрастно повторил ИскИн.

Несколько озадаченный происходящим, Кассид, не замечая, что делает, вытер коготь, которым цеплял мясо в посудине, о штанину. На девственно-чистой поверхности новенького комбеза, совсем недавно изготовленного по его личного заказу, тут же образовалась жирная безобразная клякса.

Стер-рвовы дела.

Он обесточил термopлитку и бережно переставил посудину с влопом на пластиковую подставку. Блюдо дошло, лишняя температура уже ни к чему...

По мысленной команде лоцман запустился мгновенно — на расстоянии вытянутой руки в воздухе перед глазами развернулась панель виртуалки — виртуальный монитор для общения с операционной системой. Со стороны, конечно, никаких панелей не видно, все это виртуальное пространство, развернувшееся сейчас перед его лицом, — исключительно личное, визуальное отображение поставляется операционкой в зрительные нервы носителя лоцмана. Шустро высыпали контактные окошки программ автозапуска — таймер, планировщик заданий, связь и другая необходимая в быту мелочь. Ага, вот и данные от Альта. Что-то ИскИн тормозит — окошко оставалось черным.

– Альт, давай уже, заливай данные. Не отвлекай меня дольше, чем необходимо.

– Передача ведется.

Вот стер-рва. Кассид уже и сам сообразил, что мелькавшие на краю окошка цифры системной обработки данных видеопотока говорят о том, что передача с внешних видеосенсоров корабля действительно ведется. Видимо, возможностей виртуалки лоцмана в данном случае оказалось недостаточно. Ничего ведь не понять. Сплошная чернота.

– Альт, проверь мой лоцман.

– Диагностика завершена, функциональность в норме.

– Та-ак... А ну-ка увеличь разрешение камер. Нужна хоть какая-нибудь зацепка, рэ-эррр!

Можешь дать косвенную оценку массы неизвестного объекта?

– Приблизительная оценка массы по гравитационному возмущению среды...

И ИскИн назвал цифру, превосходящую массу «Забулдыги» в несколько раз. Затем добавил:

– Объект предположительно маскируется. Природа маскировки неизвестна.

– Ну морда, я до тебя еще доберусь! Сразу не мог сказать, что маскируется, рэ-эррр?! Хочешь, чтобы у меня глаза от напряжения лопнули?!

– Повторите запрос, шеф, — монотонно переспросил ИскИн.

– Я тебе сейчас повторю, мало не покажется... Та-ак...

За девяносто два года жизни чутье на неприятности у торговца выработалось идеальное, и когда в его мозгу звенел тревожный звонок, Кассид сразу преображался. Медлительная, ленивая, скупая на движения и неповоротливая шкафообразная туша превращалась... Хм-м, как бы это выразить поточнее. Шкафообразная туша, конечно, никуда не девалась, подвигаться Кассид начинал гораздо шустрее, мягче, можно даже сказать с некоторой грацией. Главное — не забывать про шкаф.

В три шага вылетев из камбуза, Кассид уперся взглядом в экзотика, смирно ожидавшего распоряжений снаружи с поварешкой наперевес, и рявкнул:

– Переложил влоп на тарелку, морда крякнутая, и тащи в кают-компанию!

Экзотик тенью метнулся в камбуз, а Кассид устремился в противоположную сторону. Кают-компания находилась рядом, а оснащена она была ненамного хуже рубки Лайнуса, поэтому Кассид и не раздумывал, куда податься для прояснения ситуации. Элементарно отправился в привычное место обитания. Двадцать шагов, и он ворвался в просторное помещение, сотрясая воздух вибрирующим горловым рыком:

– Альт, свяжись с Лайнусом, выясни, как у него обстоят дела с разгрузкой. И разверни картинку на стене. Та-ак... Клянусь Кошельком Денежного Бога, все это выглядит весьма странно...

ГЛАВА 5

Лайнус

Усевшись на высокий стульчик возле стойки бара, Лайнус с отсутствующим видом водил подушечкой указательного пальца по прохладному влажному краю вместительного пивного бокала. Тавеллианец мысленно прикидывал, стоит ли допивать это пиво — раньше местная продукция определенно была получше, а сейчас ее качество скатилось до обыкновенного ширпотреба. Бар обслуживался на автоматике, так что Лайнус находился в баре в полном одиночестве. Что его вполне устраивало. Также его устраивала и непроницаемая темнота, царившая вокруг и скрадывавшая малейшие очертания интерьера. Лишь слабо подсвеченный участок стойки под бокалом да светящаяся полоска гида, протянувшаяся по полу от его места до выхода, хоть как-то оживляли могильную тьму, но Лайнус вполне мог бы обойтись и без этого освещения. Не устраивал его лишь тот факт, что придушить за качество обслуживания некого. Но тут уж ничего не поделаешь.

Насколько он знал, мода на подобный интерьер баров пошла с Сокты, из знаменитого на всю планету бара-ресторана «Темное Логово». А популярным заведение стало благодаря ежегодному чемпионату по спортивным боям на боевых роботах. Как-то так сложилось, что именно это заведение стало традиционным местом сбора всех пилотов, участвующих в чемпионате. Затем мода шагнула дальше, нашлось немало ловкачей, пожелавших урвать часть дохода благодаря сходству оформления. Каждый посетитель в «Темном Логове» вправе был рассчитывать, что управляющий сервис оградит его от докучливого внимания соседей — благодаря темноте и звукопоглощающим ширмам. А чтобы посетители не сталкивались на входе или выходе, автоматический гид всегда разведет их без столкновения. Но это — в «Логове», а в «берлогах», как народ прозвал бары-подделки, просто сэкономили на освещении. Никаких звукопоглощающих ширм. Зато и стены оформлять не нужно — все равно ведь ни черта не видно. Тот факт, что мода добралась даже до такого захолустья, как Пустошь, Лайнуса откровенно забавлял. Причуда местной администрации, смахивающая на глупый каприз. Насколько он успел выяснить, рейсовые корабли приносили курортников с других планет, выбравших для отдыха Туманную долину, раз в десять суток, и бар заполнялся всего на несколько часов, за это время народ рассасывался по гостиницам и санаториям, расположенным на берегах озера Нежного...

До ближайшего рейсовика еще трое суток, поэтому нечего удивляться, что в баре пусто.

Считается, что тавеллианцы не очень-то жалуют общество людей, даже своих соотечественников, а вот природу обожают. Природу и одиночество. На самом деле не все так просто. Мало кто подозревает, что с родной планеты тавеллианцев гонит отнюдь не страсть к путешествиям, а желание выжить. Эволюция на Тавелле пошла причудливым путем, разбив человеческую ветвь на два подвида — *берущих* и *дающих*. Естественно, абсолютно чистых подвигов не существовало, кто-то умел больше брать, кто-то — *отдавать*, каждый тавеллианец наделен обеими способностями, но преобладающая способность определяла жизнь каждого. *Берущие* — те, кто умел *пить чужую жизнь*, как правило, являлись лидерами в общественной и политической жизни Тавеллы, они становились учеными, изобретателями, инженерами, конструкторами, гениями самых различных искусств — они являлись ведущей и направляющей силой общества. Подпитываясь силами собратьев, они создавали, не оглядываясь на бытовые проблемы, тратили на восполнение средств к существованию минимум усилий, так как самым необходимым — жизненной энергией — они уже были обеспечены. *Дающие* — доноры — занимались производственными процессами, рутинной черновой работой, не требующей гениального ума и уникальных специализированных знаний. Именно поэтому на других пла-

нетах тавеллианцев окрестили вампирами. Вполне естественно, что лидеров всегда меньше, а доноры составляют основную массу населения. В истории Тавеллы бывали периоды, когда лидеров рождалось больше, чем необходимо, — и тогда их количество приходилось сокращать насильственным путем — дуэли, войны, убийства.

Лайнус родился донором. Хорошим, мощным донором, умеющим отдавать много и долго, вплоть до саморазрушения — лидеры, как правило, формировали свое окружение именно из таких сопланетников. Ему больших трудов стоило принять решение убраться с родной планеты. Результат того стоил — среднестатистический донор живет пятьдесят-шестьдесят лет, Лайнус прожил на тридцать лет дольше сверх отпущенного срока.

Как *дающий*, он был хорошо восприимчив к чувствам других живых существ. Сила познается в сравнении, на Тавелле он не смог бы противостоять *лидеру*, а среди обычных людей мало кто смог бы противостоять *донору*, ведь здесь у него некому было *отбирать*, зато появлялась возможность задействовать вторую часть своего я — *пыющую*.

Ему было хорошо в этом мире. В мире обычных людей, нормалов, где не было тавеллианцев и не от кого было защищаться. Вернее, почти хорошо. Так как имелась и обратная сторона медали, следствие достигнутого комфорта, из-за которого Лайнус и спустя десятилетия не ощущал свою жизнь полноценной. У *нормалов* есть неоспоримое достоинство: они неплохо умеют ориентироваться в реалиях пространства и времени, которые их окружают. Лайнус не умел. Его жизнь вне общества тавеллианцев, среди чужаков напоминала затянувшийся сон. Или состояние полудремы. По краю сознания скользили отрывочные знания, что-то цеплялось и оседало в памяти, что-то ускользало навсегда. Опереточный мир с актерами-маразматиками. Время казалось дискретным, он плохо запоминал лица и события. Чем-то обстановка в этом баре напоминала картину его жизни — одинокий огонек, бесцельно плывущий во тьме. Весьма метафорично.

Тяжелее всего ему приходилось на густонаселенных планетах, особенно в первые годы добровольной изоляции от *своих*. Ведь *нормали* не способны контролировать мысли и эмоции, тайные желания и несовершенные поступки. Их так много, этих сущностей, излучающих гнетущий ментальный хаос, а их желаний — еще больше. В большинстве своем они повторяются, множатся, варьируются. Накладываются на твои собственные, усиливаются или вытесняются. И в какой-то момент вдруг начинаешь осознавать, что уже не понимаешь, своей жизнью ты живешь или уже чужой. От этого нельзя не защищаться — если не хочешь потерять себя. Неподготовленные тавеллианцы, попав в такую среду, нередко срывались, принимаясь утолять голод без разбора, даже вопреки собственной воле, гаснущей под напором дармового жизненного потока. Как правило, заканчивалось это плохо. Те, кто поумнее и покрепче характером, находили себе работу, связанную с пребыванием среди небольшого коллектива — это не слишком разжигает аппетит, в то же время более-менее приемлемо утоляя *голод*. И именно поэтому непрерывная борьба за сохранение своего «я» заставляла его казаться таким холодным, отстраненным для окружающих.

Так что среди чужаков тавеллианцы жили дольше, но далеко не все находили состояние шаткого психического равновесия, зачастую существуя, как одинокие клетки, вырванные из организма. Немногие из них смогли привыкнуть к такому состоянию, к жизни среди чужих. Лайнус был как раз из тех, кто сумел приспособиться. Борт «Забулдыги» оказался для него идеальной средой обитания, где он не чувствовал себя чужим...

Кроме того, слабенькие способности лидера, присущие любому донору, за десятки лет развились у Лайнуса до вполне приличного уровня. Но, в отличие от лидеров Тавеллы, он не стремился пользоваться жизненной силой окружающих нормалов без острой необходимости. Инстинкт самосохранения у него еще не атрофировался. И обычные люди умеют неплохо убивать — обычным оружием. Поэтому напрямую свои способности он задействовал довольно редко — например, в моменты торговых переговоров капитана, немало сделок Кассид совер-

шил при его непосредственном влиянии на клиентов. Лайнус привык подпитываться крайне аккуратно, не только не нанося компаньонам ущерба, а, напротив, принося им ощутимую пользу...

Лайнус машинально отпил пива, стряхивая невеселые размышления, поморщился, с легкой досадой отодвинул бокал. Дерьмо. Хватит. Придется по возвращении на внешник запивать пивом из запасов Кассида, светлое зармондское гораздо лучше местного пойла. Иначе просто не избавиться от неприятного кислого привкуса.

Но уходить пока не хотелось. Царившая вокруг тьма казалась такой уютной...

Он насторожился, почувствовав *толчок* извне, несущий некий негатив, *прислушался*. Возникло предчувствие, что вскоре его услуги понадобятся, и эту уютную гавань бара придется покинуть. Жаль.

Обычно, находясь в каком-либо общественном месте, Лайнус с привычной легкостью контролировал окружающее пространство, просеивал и анализировал, отводил от себя чужое внимание, защищаясь. Но в баре он и в самом деле находился один. Никто не мог ему помешать, ни словом, ни делом, ни своим присутствием. Тем не менее без работы он себя не оставил. Лайнус непрерывным фоном чувствовал ауру своих компаньонов, к которым всегда был подключен в силу привычки и особенности своей натуры. Он всегда знал, что с ними происходит в любой момент времени, и мог прийти на помощь на расстоянии, если оно не оказывалось слишком большим. Зайда сейчас, к примеру, находилась возле проходной, как всегда она слегка настороже, такие качества, как беспечность и легкомысленность, ей неведомы. В душе она всегда готова к экстремальному повороту событий. Еще Лайнус чувствовал ее легкую злость — к одному из тех, с кем она сейчас общалась. И тщательно упакованное на дно души сочувствие, даже жалость к родственнице *младшего* — так про себя Лайнус называл Сомаху. Младший, как он чувствовал, слегка сбит с толку, встреча с местными всколыхнула его память против его воли, но лишь чуть больше, чем он ожидал. Парень держится неплохо, но встреча его все же тяготит. Ситуация пока не требовала вмешательства тавеллианца, обоим компаньонам ничто не угрожало.

Лайнус позволил себе слегка улыбнуться — даже не улыбка, а тень улыбки, скользнувшая по губам. Весьма яркое проявление внешних признаков эмоционального состояния для тавеллианцев. Кассид даже не подозревал, что на эту мысль — взять контракт с Пустошью — Лайнус подтолкнул своего капитана по личной инициативе. Как ментат, он лучше других понимал внутреннее состояние младшего компаньона и причины его *измененного* сознания. Впрочем, особо стараться с капитаном не пришлось — Кассид и сам видел, что с парнем творится неладное, но ошибочно считал, что с Сомахой перестарались на Кассионии при изменении внешности. На самом деле все началось гораздо раньше, а *модификация* организма лишь стряхнула с Сомахи шелуху прежнего образа, прежних отношений к миру, которые он на себе таскал по привычке, как донашивают старую одежду.

В своем решении Лайнус по большей части ориентировался на интуицию, чем на какие-то определенные знания и выводы. Он чувствовал, что Сомахе нужно вернуться на Пустошь. Для чего — этого он не знал, но своей интуиции он привык доверять. Вообще, конечно, много различных факторов сплелось воедино, влияя на формирование нынешнего «я» младшего — гибель друзей, потеря любимой девушки, изгнание с родины. Но если все это со временем потускнело, потеряло остроту и значимость, то *изменение*, затронувшее его на Пустоши, с каждым годом сказывалось на нем все сильнее. То самое *изменение*, которое и послужило загадочным толчком к развитию у парня с примитивной планетки уникальных, не присущих людям способностей. Никто не знал, что именно и как с ним произошло, Сомаха не распространялся на эту тему, как ни пытались его разговорить. Но строить догадки Лайнусу никто не запрещал, и кое-какие соображения, подкрепленные *наблюдением* на ментальном уровне, у него имелись. Кассид же просто молился на способности младшего, они приносили ему неплохой доход. Но

внутренне Сомаха менялся, и менялся не в лучшую сторону, и это беспокоило всех компаньонов «Забулдыги» — Кассида, Зайду, Лайнуса. Воздействовать на младшего, кстати говоря, с каждым месяцем становилось все сложнее. Иногда острые моменты в его внутреннем состоянии еще удавалось сглаживать, чаще — нет. Способности парня росли, и тот уже начинал чувствовать тавеллианца ментально. И очень быстро научился *закрывать*ся, как только чувствовал вторжение в свое сознание...

Виртуалка лоцмана ожила, в коммуникационном окошке развернулось сообщение от Зайды:

«Лайнус, ты нам нужен. Возвращайся к челноку».

Как он и предчувствовал, отдых быстро закончился.

Он легко соскочил с высокого сиденья и по светящейся полоске на полу, разделявшей тьму надвое, стремительным шагом направился к выходу, без малейшего сожаления оставив недопитое пиво.

ГЛАВА 6

Шайя

Когда в ВИУС наконец пошла информация от «мошкары», изумление Шайи Цедзе, пилота «Миссионера», едва не прорвалось сквозь эмофильтр, но умная прога быстро перехватила и отсеяла неконструктивные эмоции.

А посмотреть было на что.

Безжизненная всего несколько секунд назад картинка с кратером древнего вулкана теперь буквально кишела жизнью. Искусственной, механической жизнью. Над центром кальдеры, визуально скрытой скальным гребнем для сенсоров «Миссионера», но не от глаз зависшей сверху «мошкары», в нескольких метрах над поверхностью парил чужой корабль. Именно *чужой*, а не просто незнакомый: автоматический ситуационный запрос бортового ИскИна не нашел в базе данных никаких упоминаний о таких кораблях. Соответственно не смог произвести идентификацию и одеть подсвеченные системой наведения контуры объекта в бахрому оперативных сводок тактико-технических данных. А подобная информация просто обязана быть в памяти боевой машины по простой и объективной причине, учитывая ее прямое назначение. Тактико-технические характеристики боевой техники соседей по обитаемому космосу закладываются в память независимо от того, союзники они или противники на данный момент времени. Всякое бывает. По всему выходило, что корабль не принадлежит ни к одной из известных разумных рас. Пугающее открытие. Пугающее именно непредсказуемым развитием дальнейшей ситуации.

По виду чужак напоминал огромную трубчатую крестовину с округлыми вздутиями на концах, горизонтально зависшую над плато. Синевато-черная поверхность корабля влажно блестела, словно смазанная прозрачным гелем. Спустя долю секунды после начала приема информации с «мошкары» вздутия на концах крестовины отделились, превратившись в самостоятельные модули, из четырех концов густыми потоками потекли рои объектов разнообразных форм и размеров. Черные кляксы на серо-коричневом фоне горных пород из застывшей магмы.

Мысли Шайи сплелись с усилиями обработки данных ИскИна. «Классификация затруднительна, характеристики целей отсутствуют в базе данных. Поправка: классификация произведена в рабочем порядке для удобства целеуказания. Подборка рабочих названий по шаблону ассоциативных образов закончена: „крестовина“, „пропеллер“, „жало“, „еж“; начата порядковая и количественная регистрация предположительно недружественных объектов»...

«Крестовина» — базовый корабль, вот эта самая хрень, доставившая на поверхность планеты свою технологичную начинку. Диаметр «труб» — пять метров, длина каждого плеча от утолщения в центре (центр управления кораблем?) — сорок метров. Гигантская штука. Четыре отделившихся вздутия — «пропеллеры», выглядят как сплюснутые шаровидные тела около семи метров в диаметре, после отделения они приняли горизонтальное положение, зависнув в нескольких метрах над землей и выпустив пояс округлых лопастей, напоминающих лепестки гигантского цветка. ИскИн окрестил их «пропеллерами», но Шайя подобрала бы этим объектам другое название, что-нибудь из ботанического ряда, однако сейчас важнее было понять, чем они являются — автономные двигательные установки «крестовины», отделившиеся для высадки десанта? Самостоятельные боевые единицы? Пока неизвестно. Ничего неизвестно — ни вооружение, ни принцип функционирования. Выскакивая из торчащих под прямыми углами трубчатых каналов, словно шарики для пинг-понга из устройства для автоматической подачи, «жала» выстраивались в определенный порядок, их число уже достигло двадцати и продолжало увеличиваться. «Жало» — механический объект, напоминает гротескно увели-

ченный наконечник копья, летящий задом наперед — плоский ромбовидный корпус с шишкой на переднем конце и острием на заднем, четыре метра в длину, три в ширину, метр в толщину в самом центре. Последний тип объектов по рабочей классификации — «еж», мини-модуль, выглядит как летающий бублик (тор) около тридцати сантиметров в диаметре, поверхность усыпана десятками коротких, около пяти сантиметров усиков (предположительно активные сенсоры или двигательные элементы), из-за чего модуль и выглядит как еж. Эжих больше всего, вокруг «жал» их вилось уже до нескольких сотен. Предположительная тяга всех объектов — антигравитационные приводы, реактивных выхлопов не зарегистрировано...

Беззвучная вспышка в небе над кратером.

Транслируемый «мошкаррой» поток данных обрывается, оставив застывшую картинку в бортовой памяти. А там, где парило невидимое облако наноэлектронных созданий, теперь клубится черная муть, разрастаясь грозовой тучей. Сознание Шайи заливают красный свет тревоги. Противодействие чужаков застает врасплох. От диких наводок в оптоэлектронных схемах бортовой аппаратуры спасает собственный электромагнитный щит, да и сама аппаратура робота спроектирована с завидной устойчивостью к направленным электромагнитным импульсам, цель которых — превратить высокотехнологичную боевую единицу в бесполезный хлам с перегоревшими цепями. А вот другим повезло меньше. Туша грузовоза, подвешенная над скалистой тропой, словно просела от удара сверху — падение мощности в перегоревших схемах. Заминка с переключением на запасные едва не привела к аварии — грузовоз тяжело рыскнул носом, накренившись на сорок градусов из-за отказа одного из четырех винтов, затем медленно, словно нехотя, с надсадным ревом включившейся дополнительной тяги, начал выравниваться. ВИУС рассыпалась на составляющие, в связке остались лишь «Миссионер» Шайи и «Спринтер» Дыма. Больше всего досталось «мэрам», барражировавшим в воздухе по правому борту «Толстяка» — электромагнитный удар безжалостно швырнул «Тройку» вниз с девяностометровой высоты. Рухнув на камни, гравилет смялся, как бумажный стаканчик. Бронированный колпак кабины вырвало из креплений и отшвырнуло в сторону, кресло пилота запоздало отстрелилось, но аварийная программа не сработала, антиграв не включился. Перекувыркнувшись несколько раз, кресло вверх днищем застряло между скальных выступов на краю склона, обмякшее тело сержанта Хозе Морана повисло на ремнях безопасности. Двигатель искореженной машины задымился, источая черную маслянистую копоть. «Единица» отделался меньшим — чудом оставшись в воздухе, гравилет с воем завертелся волчком, пилот — командир звена гравилетчиков старший сержант Чекис — под прозрачным бронепластиком кабины отчаянно пытался справиться с управлением, вцепившись в Рычаги ручного управления. Нейроинтерфейс, соединявший его лощман с управляющей системой борта, наверняка сторел. «Четверка» и «Двойка», курсировавшие по левому борту винтокрыла, отделались лишь легким испугом. Скорее всего, большую часть удара, предназначавшегося гравилетам, погасил массивный корпус «Толстяка», в тени которого они так удачно оказались в момент атаки.

— Огонек, мы атакованы! — ровный голос Дыма по бортовой связи кажется Шайе криком. — Прикрываем колонну, пока перегружаются дублирующие системы, пока очухаются...

Связь с Хоганом вырубил, рации двух «мэров» тоже заткнулись, их пиктограммы на панели связи мигали красным, так что Дым, как старший по званию, принял командование.

— Принято, — так же ровно ответила Шайя. — Нужно помочь парню с «мэра».

— Сами справятся. «Двойка», слышишь меня? Покинуть строй, приступить к оказанию помощи «Тройке».

— Вечно я крайний...

Сержант Шуге Редсама, пилотировавший «Двойку» — человек по натуре довольно вздорный, — изменил бы своему характеру, если бы не вставил что-нибудь подобное.

— «Двойка», отставить разговоры, выполняй, — жестко повторил Дым.

— Да не волнуйся так, береги нервы.

Гравилет сорвался с места, по широкой дуге обогнул грохочущий «винтокрыл» и скользнул к земле.

— Давно гаду темную не устраивали, — прокомментировала Шайя по изолированной частоте, связывавшей ее только с пилотом «Спринтера».

— Напугала, — хмыкнул Дым. — С него все равно как с гуся вода.

«Толстяк» тем временем разворачивался на сто восемьдесят вокруг оси, Хоган явно готовился к отступлению, несмотря на внезапную атаку и фатальные повреждения бортовой электроники, головы он не потерял. Выступающая из массивного корпуса остроносая кабина винтокрыла медленно плыла в сторону «Миссионера». Шайя усилила оптику и отступила на несколько шагов, чтобы убраться с пути неуклюжего гиганта. Подчиняясь фильтру компьютерной обработки, бронестекло словно растаяло: с напряженными лицами пилот винтокрыла — сержант Моралес и командир группы — капитан Хоган, занимавшие передние кресла, смотрели в ее сторону. Двое техников что-то пытались сделать с дверью, видимо, ее заклинило, еще двое в прямой видимости отсутствовали, вероятно, сейчас они находились в задней части кабины, возвращали жизнь оборудованию. «Чертова электроника, надежнее надо делать, надежнее», — с досадой подумала Шайя. Она мигнула лучом лазерной розетки, убавив мощность до минимума и расфокусировав, — в таком режиме эти лазеры играли роль позиционных огней. Странно, что до этого простого приема не додумался Дым, смекалку нужно включать быстрее, кто знает, возможно, счет идет на секунды. Губы Хогана, заметившего красноватую вспышку на плечах робота, тут же зашевелились, система опознавания речи перевела его неслышимые слова:

— Молодец, соображаешь. Мы здесь пока заперты, как в консервной банке, так что придется общаться, как глухонемым. Мигаешь один раз — «да», два раза — «нет». Понятно?

Шайя мигнула лазером.

— Связь с базой есть?

— Нет.

— А Дым тебя слышит?

— Да.

— Хотя что-то утешительное... К делу. Объявляю боевую тревогу, возвращаемся на базу. Приготовиться к отражению атаки всеми имеющимися средствами, бить на поражение. Поддержать пока ничем не смогу, у меня вся электроника сдохла, только двигатели остались на ходу, и то лишь потому, что цепи питания и управления продублированы несколько раз, а связь, система вооружения и наведения — все в хлам, электронный замок двери и тот заклинило. Но техники клянутся, что через несколько минут смогут оживить пушки. Передернут запасные платы в блоках управления, да и нам самим придется сменить лоцманы. Хуже то, что систему автоматического наведения реанимировать не удастся, ничего, сами сядут вместо стрелков. Вижу, с «мэрами» проблемы, дверь сейчас откроем вручную, заберем парня. Проклятье, без общей связи и координации действий нам труба. «Тройку» бросаем, все равно гравилет в хлам размазало. Все понятно?

— Да.

Хоган был непривычно многословен, Шайя списала это на волнение.

Неподвижно стоя на месте и медленно вращая корпусом на поворотной платформе, ее «Миссионер» обводил стволами двенадцати лазерных излучателей сектор прогнозируемого обстрела — ущелье впереди и сектор гребня, за которым по прямой располагался кратер с пришельцами. И лишь малая часть сознания Шайи поддерживала связь с капитаном.

— Вот еще — пошли гравилет на базу, нужно сообщить, что здесь произошло, да и подкрепление нам не помешает. Приказ ясен?

— Да.

— Выполняй.

– «Четверка», приказ капитана Хогана: выжимай из своего «мэра» все что можешь и дуь на базу, сбрось инфу, нам нужно подкрепление.

– Принял. Выполняю.

Гравилет сержанта Суреша Мидянина, самого молодого из гравилетчиков, взмыл в небо ракетой, стремительно набирая высоту. «Мэр» способен разогнаться до трехсот километров в час, так что двадцатикилометровый отрезок до базы — по прямой, над горами, он должен преодолеть всего за несколько минут. Жаль, нельзя было отправить пострадавшего пилота вместе с ним, в разведчике просто нет места для второго человека. Раненый всегда обуза для тех, кто в строю. Пилот «Тройки» оказался жив, но не приходил в сознание. Выскочивший из своей машины здоровяк с «Двойки» бесцеремонно выдрал его из кресла и на своих плечах бегом доставил до винтокрыла. Техники к этому времени сумели справиться с дверью, сбросили веревочную лестницу — сажать винтокрыл ради этой операции никто не собирался. Неоправданно долго. Обвязанного ремнями, раскачивающегося от плотных воздушных потоков, хлеставших от ведущих винтов грузовоза, техники в несколько рук втянули пилота в кабину. Затем гравилет «Двойка» взмыл в воздух и пристроился рядом с «Толстяком» на том же месте, где летел раньше. «Единица» к этому времени сумел прекратить кружение взбесившейся машины, восстановил управление и тоже нырнул за правый борт. Если электромагнитный удар повторится, то будет чем прикрыться. Связь с поврежденным гравилетом пока не восстановилась, но он хотя бы вернулся в строй как боевая единица.

Шайя мысленно вернулась к приказу Хогана.

Вот так. Бить на поражение. И никаких попыток переговоров. И ведь Хоган прав. Нечего тут нюни разводить. Ситуация такова, что уже не до дипломатических нюансов, и если в результате их действий будет развязана война с представителями неизвестной в обитаемом космосе цивилизации, то ответственность за это вряд ли ляжет на них. Воспитанные гости, образно говоря, не вламываются в твою квартиру без предупреждения, не перерезают электропроводку сигнализации, чтобы захватить врасплох. А наведение помех, выход из строя спутниковой системы «Аргус» — это и есть первая фаза недружественных действий незваных гостей, не пожелавших о себе объявить более цивилизованными способами. И судя по количеству целей, которое «мошकारа» успела сбросить на тактическую карту перед тем, как сгореть в электромагнитном импульсе, — это самое настоящее вторжение. Вторжение неизвестных сил с неизвестной целью, но с весьма серьезными намерениями.

– Дым, ты все слышал? — уточнила Шайя. Панель связи подтверждала двусторонний обмен информацией со «Спринтером», но продублировать никогда не помешает.

– Конечно. Постараемся уйти без стрельбы, если это окажется возможным. Если нет — в обиду я себя не дам, здесь я с Хоганом согласен. Накаркала ты, Огонек.

Шайя мысленно усмехнулась, в который раз машинально проверяя состояние связи с командиром базы «Зеро». Пиктограмма все еще обведена красным контуром. Таких плотных помех добиться непросто, на базе мощная аппаратура, да и системы бортовой связи ИБЭэРов тоже не из простых, однако результат налицо — «Миссионер» с трудом ловит и очищает от помех канал со «Спринтера», а до него всего какая-то сотня метров. Приходится дублировать канал лазерной связью. В динамическом режиме, когда роботу придется выполнять боевые маневры, а не стоять на месте, как сейчас, удерживать канал сложно, и от такой связи толку будет немного, а пока работает. Кроме того, противоракетная система в бою займется своей непосредственной задачей — уничтожением вражеских ракет. Если у противника они имеются.

Винтокрыл медленно, но верно набирал скорость, проплывая мимо «Спринтера». Как назло, робот Шайи оказался не с той стороны, маневрировать было некогда, и туша грузовоза на несколько секунд перекрыла вероятный сектор обстрела. Но обошлось без эксцессов.

– Не нравится мне эта туча, — сообщил Дым, тоже задрал стволы плазмопушек в сторону кратера. — Сдается мне, именно из-за нее нарушена радиосвязь.

На фоне полуденного солнечного сияния, бывшего как раз со стороны кратера, контур гуманоидного робота Дыма был словно овеян огненным ореолом, почти полностью стершим типовой маскировочный окрас робота — горная долина. «Прямо знак с небес», — подумала Шайя, когда-то в детстве увлекавшаяся фантастическими историями о былинных героях. Воин Света против сил Тьмы. Отвлеченная мысль угасла, едва зародившись. Свет мигнул и пропал, солнечный диск заслонила искусственная туча, накрывшая уже все небо над кратером.

– Наблюдал когда-нибудь извержение вулкана, Дым?

– Нет. А что?

– Да очень похоже. Видела как-то, в записи. Но эта штука — искусственного происхождения. Если бы пробудился местный вулкан, мы бы почувствовали.

Туча за несколько минут организовалась знатная. Процесс ее формирования и в самом деле очень напоминал структуру, сопровождающую извержение вулкана, когда масса вулканического пепла выбрасывается на несколько километров вверх при взрывном расширении магматических газов. Кое-где в черноте даже мелькнули короткие молнии, дополняя картину. Но не было ни землетрясения, ни взрывного рева и гула недр, ни пламени и вулканических бомб, рушащихся с небес, ни огнедышащих лавовых потоков, перехлестывающих края Древнего кратера. Лишь безмолвная, непроницаемо черная, пронизываемая короткими молниями туча. По оценке ИскИна она разрасталась вширь со скоростью около пятидесяти метров в секунду. И помехи в эфире с ее ростом усиливались. Очень быстро. Опасно быстро. Дым прав: помехи исходят от нее.

– Шарахнуть бы по ней электромагнитным зарядом, как эти сволочи только что сделали с нашей «мошкаррой», — позволил себе вслух помечтать Дым.

– У нас нет ЭМ-ракет, — напомнила Шайя.

– Вот именно, — аватара Дыма в виртуальном окошке скорчил унылую физиономию. — Поэтому единственное возможное решение — постараться не ввязываться в бой. Кем бы они ни были, нам с ними не справиться, их слишком много. Мы не знаем их возможностей и можем оказаться легкой добычей.

– Дым, не забивай эфир без нужды.

– Отставить нотации, Огонек, — тон пилота «Спринтера» сразу изменился. Пренебрежительное замечание Шайи, похоже, задело его самолюбие. — Следуй за винтокрылом, прикрывай. А я пока здесь подежурю. Как отойдешь на пятьсот метров, двинусь следом. Надеюсь, все обойдется. Не исключено, что действия иноров истолкованы неправильно и не несут враждебных намерений. Мало ли по какой причине они здесь оказались.

– Надейся.

– Может, все-таки удачи пожелаешь?

– Не раскисай раньше времени, Дым. Никто еще не умер.

– Черствая ты душа, Огонек.

– Какая уж есть.

Осторожно спустившись по каменной осыпи, куда «Миссионер» забрался, чтобы пропустить «Толстяка», Шайя выбралась на дорогу поровнее и пристроилась в хвост винтокрыла, быстро выровняв скорости. Грузовоз шел уже под шестьдесят, на пределе, а для «Миссионера» запас скорости еще оставался изрядный, при необходимости робот мог разогнаться до ста... По ровной местности. В условиях горного рельефа не всегда получалось двигаться даже в крейсерском режиме, не говоря уже о максимальной скорости, и так приходится смотреть в оба, огибая опасные скальные выступы. Когда-то сель или лавовый поток, пронесшийся по ущелью в сторону долины, более-менее выравнивал дно горной складки, но он же притащил с собой массу гигантских валунов, разбросав в живописном беспорядке. Постоянно патрулируя ущелье, пилоты роботов давно определили оптимальные маршруты движения, но неспешный шаг сейчас не годится, так что придется осваивать бег с препятствиями.

Противник нападать пока не торопился. Хотелось бы знать, что сейчас творится в этом кратере, но тратить еще одну разведракету нет смысла. В этой противотуче она, скорее всего, просто сгорит, не успев развернуться и выдать даже биты информации. Может, позже, когда удастся обогнать ее расширяющийся фронт...

Полкилометра быстро остались позади, видеосенсоры засекли движение «Спринтера», припустившего следом. Наверное, Дым прав, драки не будет...

На тактической карте вспыхнули сразу десятки точек целей, и количество их лавинообразно нарастало, устремившись к отступающему «Спринтеру».

Не обошлось.

– Вижу противника, — спокойно сообщил Дым. — Остаюсь для прикрытия. Огонек, предупреди Хогана.

ГЛАВА 7

Сомаха

Я беззаботно шагнул в турникет первым...

Раздался странный звук, стойка словно бы обреченно вздохнула, и все электронные табло турникета погасли.

– Это еще что за новости... — Один из таможенников удивленно уставился на экран терминала.

– Подождите минутку, у нас неполадки, — извинился второй, натянув на лицо дежурную маску вежливости.

Я присмотрелся к нему внимательнее, уловив что-то знакомое. Ну точно — этот, как его... Гус? Н-да, начинаю забывать лица людей, среди которых прошло мое детство. Особенно тех, кого знал мало. Да и Гус здорово изменился. Был лопоухий пацан с соседней улицы, а сейчас — дородный, ширококостный парень с загорелым после жаркого лета лицом, в зеленой форме таможенной службы, с соответствующей амуницией: кобура с игольником на левом предплечье, нейродубинка на поясе. Немудрено, что не узнал сразу.

«Вождь, не шали», — одернула по внутренней связи Зайда, останавливаясь сзади.

Старая кличка. Воздем меня когда-то в шутку окрестили друзья, за пристрастие использовать режим «Бога» в ролевых гэпэшках. Теперь так называла только Зайда. Для всех остальных я официально был покойником.

«Я не специально, Зайда. Просто забыл».

«Верни все, как было».

«Запросто».

Воспользовавшись тем, что взгляды обоих таможенников устремлены на экраны терминалов, я как бы невзначай прикоснулся к стойке, электроника сразу ожила, возвращаясь в рабочий режим. Действительно, моя вина, забыл отключить фантома — псионический настрой, который отрабатывал последние два года. Благодаря ему чужие сканеры, пытавшиеся получить информацию обо мне и моем имуществе без моего ведома, выходили из строя, программное обеспечение зависало. Специфика моих развивающихся способностей.

– Все в порядке. — Гус сразу оживляется и поднимает на меня взгляд, приветливо улыбаясь — на этот раз немного искренней. — Проходите.

Я сбросил по лощману на терминал таможенников личку — небольшой файл с идентификационными данными для регистрации, прошел по ту сторону турникета. На свое счастье дотошно досматривать нас таможенники не стали. Не люблю я показушного служебного рвения. Устроил бы им веселуху с аппаратурой, позамыкал бы все к чертовой матери. Но ребята молодцы, на своем месте. Зайду тоже пропустили без лишних вопросов, содержимое кейса, просвеченное на экране сканера, их не заинтересовало. Ничего интересного там и не было.

Мы прошли через небольшой зал ожидания, вышли из здания и остановились на прилегающей к нему территории транспортной стоянки. Отбрасываемая зданием тень осталась в шаге за спиной, мне хотелось постоять на солнышке, погреться в теплых ясных лучах. Машина, которую мы ждали, уже показалась в пределах видимости — быстро растущая смазанная синяя точка посреди серо-зеленой ленты дороги, до нее еще метров семьсот. Оптической утилитой лощмана изображение можно приблизить, глянуть на пассажиров, но я не видел необходимости.

– О чем задумался? — интересуется Зайда, покосившись на меня, видимо, что-то в выражении моего лица ей не понравилось.

— О чем задумался... — Я беспечно пожимаю плечами. — Мне вот интересно, что думаешь о жизни на Пустоши ты, вечная бродяга?

— Почему ты спрашиваешь? — Она ставит кейс на бетон, выпрямляется, тоже с удовольствием подставляя загорелое лицо солнцу.

— А мне интересно — ты собираешься всю жизнь летать с Кассидом?

— Пока меня все устраивает. А ты что же, решил нас покинуть?

— Еще нет, я всего лишь поинтересовался твоими планами на будущее.

— Но раз об этом зашел разговор, значит, ты начал их строить. И эти планы никак не связаны с нашим внешником?

— Я же говорю — не знаю. Тебя это расстраивает?

— А ты что, хоть раз видел меня расстроенной?

— Очко в твою пользу, — я смеюсь. Мы часто так пикируемся, отвечая вопросом на вопрос, это уже превратилось в своеобразную игру.

— Но Кассид определенно придет в ярость, если захочешь уйти, — добавляет Зайда. — Ну так как, решил вернуться к корням, осесть и завести семью?

— Да нет же, я просто придуриваюсь. Кстати, один из таможенников — мой давний знакомый. Не узнал. Еще одна маленькая проверка прошла успешно.

— Как и с Петром. Это нормально. Все еще беспокоишься без видимых причин?

— Нет, конечно. Просто забавно. Забавно быть бикаэлем, не являясь им на самом деле.

Про себя я усмехаюсь уже не так беспечно.

В сводного племянника Зайды Димбай я превратился не только по документам, внешность у меня соответствовала — как у полукровки-бикаэльца. И Зайда теперь моя официальная тетка. Чужую шкуру я ношу чуть больше года, уподобившись кассионийцам с их пристрастием к моде по биоперестройке внешности. Теперь я выше ростом, у меня смуглая кожа и крепкие мышцы — крепче прежнего. Доказать теперь, что я — Сомаха Олиман, весьма непросто, в организме перестроено все, что подвергается идентификации в первую очередь. Голосовые связки, сетчатка глаз, рисунок папиллярных линий, лицевые кости черепа, состав крови, даже генетический анализ подтвердит, что я — другой человек. Наносинтезаторы, запущенные в кровь и ткани, изменили генетическую формулу. И не только — все изменилось. Перспектива, мироощущение, отношение окружающих. Рослый человек всегда безотчетно выделяется взглядом в толпе, даже если взгляд на него брошен вскользь, мимоходом. Поначалу мне такой повышенный интерес даже нравился, потом привык, перестал обращать внимание. Вряд ли я теперь буду стареть так же быстро, как обычный человек. И, возможно, проживу не меньше, чем среднестатистическая бикаэлка, а живут они без всяких ухищрений медицины до трехсот лет. Очень дорогая операция, основанная на бионанотехнологиях. Оплатил ее Кассид. Да и сделано такое комплексное изменение тоже исключительно по знакомству, через Кассида, в какой-то закрытой конторе на его горячо любимой Кассионии.

Прибыль, которую я приносил компаньонам «Забулдыги» благодаря своим специфическим способностям, окупала эту операцию месяца за три. Я ведь мог оживить любой, даже насмерть убитый эксплуатацией технический хлам, заставить его работать вопреки всем законам. А то, что работает, всегда можно продать. Так что Кассид знал, во что вкладывался, переписывая мою личную историю после событий на Двойном Донце, где я набедокурил, разыграв собственную смерть ради победы друзей. Теперь я — Крон Димбай. От прежнего имени осталась только кличка — Вождь. Рискованно? Ничуть. Для чужих ушей есть соответствующая легенда, давно уже запущенная в сеть. По легенде именно компаньоны меня так и окрестили, когда я влился в постоянный состав на замену выбывшему члену экипажа. Обязанности у меня те же, что и у него, да и взяли меня из-за аналогичных способностей к технике, а усопшего Сомаху экипаж любил так нежно и трепетно, что с такой кличкой им легче привыкнуть к утрате. Чем не объяснение? Не хуже и не лучше прочих. Так что в амплуа Крона

Димбая я теперь тень их прежнего любимчика. Забавно, из-за этой чехарды со сменой имени и внешности я иной раз тенью себя прежнего и ощущаю. И надо признать, чувство не всегда приятное. Но так спокойнее.

Естественно, что из прежних знакомых меня никто не узнавал.

И Петр Свистун — не исключение.

Кстати говоря, Петр кое о ком мне напомнил, когда я его увидел на борту «Забулдыги». О Шайе Цедзе, пилоте ИБээРа с Двойного Донца, одной из тех людей, ради кого я там выкладывался, идя на такие жертвы. Когда мы покидали Двойное Донце, у Петра с той девушкой сложились, как я понял, очень близкие отношения. А я чуток не успел с проявлениями симпатий. И я ему немного завидовал: девушка мне нравилась. Странно было его увидеть здесь без Шайи. Хотя, мало ли в жизни чего бывает. Может, разошлись пути-дорожки из-за службы. Временно. Или навсегда. Из-за психологической несовместимости характеров, к примеру. Я не мог спросить его об этом прямо, не выдав себя. С какой стати какому-то бикаэльцу интересоваться судьбой его боевой подруги? Поэтому попросил поинтересоваться этим вопросом Зайду, еще во время полета к Пустоши. Она видела на Двойном Донце и Петра, и Шайю, знала с моих слов об их отношениях, так что имела косвенное право задавать подобные вопросы. Со ссылкой на извечное женское любопытство. Но Петр отмолчался. Это вполне вписывалось в его характер, он и на Двойном Донце не отличался разговорчивостью.

На Пустошь мы доставили его с Сокты, он воспользовался нашим рейсом как оказией, Зайда даже денег с него взяла меньше, чем с любого другого пассажира. По моему настоянию, естественно. Совсем не взять платы нельзя — с чего такая подозрительная благотворительность, для экипажа «Забулдыги» Петр — чужой человек. Не скажу, что встреча с Петром меня совсем никак не затронула. Петр — тоже часть прошлого, яркая часть, он один из тех, кто знал меня до гибели.

— Петра так и не смог разговорить? — вдруг полюбопытствовала Зайда, словно прочитав мои мысли.

— Нет. Ты и сама прекрасно знаешь.

— Главное — не заикливайся. Нужно — поищем, связи у Кассида большие. Проблема не в этом, сам прекрасно знаешь.

Я довольно равнодушно пожимаю плечами, надеясь, что не переигрываю:

— Знаю. Незачем искать. Нет смысла.

— Хорошо, что ты так настроен.

Еще бы. Тогда карты судьбы выпали Петру, у меня просто не было времени познакомиться с девушкой поближе, события развивались с ураганной скоростью. А теперь, даже если я столкнусь с Шайей лицом к лицу, ни черта не выйдет. С такой-то рожей, как сейчас, восстановить знакомство не получится. Я не могу открыться, кто я на самом деле, иначе ни к чему было вообще идти на такие ухищрения с маскировкой. Разве что познакомиться заново. Но стоит ли овчинка выделки? Привлекательных девчонок на любой планете — пруд пруди, к чему ворошить прошлое и усложнять себе жизнь? Всегда можно в чем-то проколоться. И обязательно придется лгать, выкручиваться, а я предпочитаю отношения простые, без скелетов в шкафах...

А, зараза. Я все равно теперь думаю о ней. В местной сети никаких упоминаний о Шайе не оказалось, я проверял. Но Петр здесь... И раз он здесь, он мог прибыть к ней. Имелся шанс, что она находится на той самой военной базе, сведения о служивших на ней людях являлись закрытыми. Если это так, то поворот очень неожиданный — Шайя Цедзе на Пустоши, на моей планете. Интересное совпадение, если, конечно, это правда.

Да ну к черту, лучше выбросить из головы. Еще два-три часа, разгрузимся и уберемся обратно на внешник. И еще одна страничка личной истории закроется.

А вот и визитеры, добрались-таки.

Низко урча и разгоняя легкую пыль воздушными струями, трассер свернул с шоссе, вырвавшись на стоянку, и замер в двух метрах от нас с Зайдой, боком. И только сейчас, разглядев, кто сидит на передних сиденьях, я понял, кто именно пожаловал. И немного напрягся.

«Что за... Почему приперлись именно они, а не родители?»

«Спрошу, раз хочешь, — так же по лощину ответила Зайда. — По мне, так никакой разницы. Да и ты говорил, что тебе все равно. Если не нравится — можешь уйти».

«Нет, останусь».

Неожиданный сюрприз. И довольно неприятный. Меньше всего сейчас мне хотелось бы видеть Марану. И ее отца. Впрочем, я защищен от них своей новой внешностью.

Щелкнув дверцей, с водительского места выбрался смуглый коренастый человек с тонкими чертами лица, в светлой одежде свободного покроя — светлая рубашка и брюки из плотной ткани, все-таки осень, хоть и ранняя. Узбах Шоэлл — не из местных уроженцев, он родом с Балмаста. Но женат на сестре моего отца, Арконта Олимана, и поэтому мой родственник. Он сильно постарел, словно со времени нашего расставания прошло не семь лет, а все двадцать — никому не пожелаешь испытания, которое выпало на его долю. Он погрузнел, на лице прибавилось морщин, а в черной кудрявой шевелюре явно проступила седина. Перебросившись парой реплик с молодой кареглазой спутницей и, видимо, заставив ее остаться на месте, он повернулся к нам. На долю Мараны лишь остается с любопытством глазеть в нашу сторону. На первый взгляд она мало изменилась: такие же тонкие черты лица, как и у отца, смуглая кожа, короткие кудрявые волосы цвета безлунной ночи, карие глаза и...

Вот именно. Стоит присмотреться, и начинаешь понимать, что это — не она. Не хватало самого главного — озорной мальчишеской улыбки. Вместо узнавания во взгляде, который она бросила на меня, — смущение, неуверенность, и в то же время заинтересованность. Заинтересованный взгляд незнакомой женщины.

Первой заговорила Зайда:

— Привет, Узбах. Как поживаешь? Что-то ты постарел. Спорт тебя не привлекает?

Голос у нее низкий и густой, в сочетании с пристальным, неизменно насмешливым взглядом золотисто-зеленых глаз ее приветствие нередко действовало на людей завораживающе.

— Здравствуй, Зайда... зато ты не меняешься. — Голос Узбаха чуть хрипловат, наврное, от волнения. У него жесткий взгляд и неприветливое лицо. На возобновление дружбы с этой семьей нам рассчитывать не стоит. И все же напористое обаяние бикаэлки подействовало, слегка смягчив его настрой.

— Конечно, Узбах, — спокойно усмехнулась Зайда. — А с чего бы мне меняться?

— У тебя с собой то... о чем мы просили?

— Бери. — Зайда носком ботинка подвинула кейс в его сторону.

В кейсе ничего примечательного, лишь обыкновенный поношенный комбин — любимое одеяние космических завсегдатаев, куртка и брюки свободного покроя, с множеством удобно расположенных карманов. Такой же костюм, только на несколько размеров больше, сейчас на мне. Я думал, что старую одежду давно выкинул, комплектация у меня сейчас другая, так что пришлось менять весь гардероб, но кое-какие вещи из прошлой жизни все же нашел в гардеробном шкафчике, так что с этой стороны все по-честному. Просьба моих родителей застала нас еще на орбите: узнав о появлении «Забудыги» из местных новостей, они захотели получить что-нибудь на память обо мне, любые личные вещи. По-человечески вполне понятно.

— Я только не поняла, почему приехал ты, а не Арконт с Лишой, — невозмутимо добавила Зайда. — О встрече просили они.

Узбах брезгливо посмотрел на кейс, словно он был испачкан в дерьме, подхватил за ручку и закинул на заднее сиденье трассера. Да еще и безотчетно вытер ладонь о штанину. Сволочь. И я сам почувствовал себя испачканным после такой демонстрации «любви». От Зайды жест Узбаха тоже не укрылся. Ее взгляд едва заметно потемнел. Я хорошо знаю этот взгляд.

Несколько месяцев назад, в космопорте Вантесента, в баре, Зайда с таким взглядом сломала руку парню, который решил за ней поухаживать и прикоснулся к ее плечу без спроса. Она просто на секунду сжала пальцы на его предплечье. Но отцу Мараны вряд ли грозит подобное, слишком многое нас связывало в прошлом.

— Я объясню, если ты так хочешь, Зайда, — даже не пытаюсь скрыть неприязнь, ответил Узбах. — Им тяжело. Они знали тебя, когда их сын еще был жив... — Его тон, сжатые зубы и гневный взгляд сказали иное. *Когда этот ублюдок был еще жив.*

— Поэтому ты приехал вместо них, оберегая их хрупкую нервную систему?

— Бикаэлка... Ты представления не имеешь, что такое нормальные человеческие чувства...

— Поаккуратнее с подобными заявлениями, Узбах. Ладно, с тобой все ясно, будем считать, что я не заметила оскорбления. Но зачем ты привез ее? — Зайда кивнула в сторону Мараны, с любопытством прислушивавшейся к разговору. Внимание бикаэлки ее тут же смутило, она отвернулась, уставившись перед собой. Прежняя Марана отреагировала бы иначе — с вызовом. И вмешалась бы в разговор на равных. Еще один выразительный штришок «инности».

— Моя дочь... хотела прогуляться, — нехотя ответил Узбах. — Я не видел причин ей отказывать.

Разговор его заметно тяготил, ему явно хотелось убраться отсюда, но Зайда умела удерживать собеседников на коротком поводке, пока ей этого хотелось. Авторитет и влияние бикаэлок не были пустым звуком.

— А может, — ее снисходительная улыбка ясно давала понять, что бикаэлка видит старика насквозь, — ты пытаешься меня укорить за то, что борт «Забулдыги» столько лет был домом для человека, которого ты до сих пор ненавидишь?

Узбах вздрогнул. Вопрос Зайды угодил в цель, потревожив болезненную рану в его душе. Но он сам напросился. В его глазах снова проснулся гнев, ноздри изящного носа возбужденно раздулись, однако ответил Узбах сдержанно, не забывая, с кем имеет дело:

— Ты даже не представляешь, что нам с женой пришлось вынести за эти годы, пока мы воспитывали ее заново. И благодарить за это стоит... твоего Сомаху. Я ничуть не удивлен, что он свое получил. Он заплатил за смерть моей дочери. Его наказала судьба. И это справедливо. Думаю, его и там до сих пор гложет чувство вины. — Узбах, не глядя, коротким жестом ткнул указательным пальцем в небо.

Он был немного религиозен и раньше, но сейчас, похоже, его опустошенная душа получила должную подпитку.

— Не гложет, — грубоватым тоном встрял я, опередив Зайду.

— Что ты сказал? — Узбах взглянул на меня так, как будто увидел только что. Словно на пустом месте вдруг образовалось нечто, способное к членораздельной речи.

— Что слышал, папаша, — отрезал я.

— Это твой родственник, Зайда?

— Поразительная догадливость. Мой племянник. Не очень-то он вежлив, да?

Узбах, естественно, меня не узнал. Своеобразное ощущение. Я смотрю в упор на человека, которого знал с детства, но он не способен меня узнать в новом облике.

— Не гложет Сомаху чувство вины, — с нагловатой улыбочкой повторяю я.

— Ты не всеведущ, — сухо сказал Узбах. — И не можешь знать наверняка.

— Ты тоже не витаешь в астрале, получая последние небесные новости лично из уст Бога.

Последняя реплика, похоже, окончательно избавила его от желания разговаривать.

— Прощайте, — резко бросил Узбах, поворачиваясь к нам спиной.

Снова щелкает дверца. Трассер разворачивается и уезжает прочь.

«Ты даже не представляешь, что нам с женой пришлось вынести за эти годы, пока мы воспитывали ее заново».

Он ошибался.

Я знал о жизни Мараны все. Каждый год я несколько раз подключался по бортовому ГТ «Забулдыги» к сети Пустоши, словно пытаюсь реанимировать несбыточную надежду, но до сих пор у меня не появилось ни одной мало-мальски уважительной причины вернуться за ней, чтобы вытащить из этого болота. Некого мне вытаскивать. У этого существа была внешность Мараны, и по кровной связи она все еще оставалась моей двоюродной сестрой. Но внешность лгала. Той Мараны, которую я знал, упрямой, гордой и взбалмошной, умеющей отстаивать свои решения и знающей цену дружбы не на словах, давно уже нет. Я отлично помню финал боя в ущелье Двух Рук, в крайнем случае всегда есть под рукой записи логмана, чтобы освежить память, помню, как...

...«Мститель», семидесятитонный боевой робот, взрывается от многочисленных внутренних повреждений, громадный кусок плеча вместе с рукой отваливается как кусок панциря у разрушенной черепахи. К счастью, система катапультирования успевает сработать — на фоне огненного вихря вверх выбрасывает кокон пилота — темное веретенообразное тело. Набрав высоту и сравнявшись с краем горной террасы, он уходит, спасаясь, за скалы...

Стая дроидов выпархивает из-за ближайшей скальной складки и устремляется за КоЖи Мараны. Ночное небо прочерчивает лазерная паутина, скрещаясь на жертве, которую боевые дроиды так терпеливо дожидались в укрытии. Кокон падает на скалы, подскакивает от удара, как резиновый мячик, снова падает и остается лежать, медленно покачиваясь и вращаясь вокруг оси. Он так и не раскрывается, чтобы выпустить Марану...

Улетая с Пустоши после приговора Совета Старейшин, приговора к изгнанию, я утешал себя мыслью, что сестренка выжила и рано или поздно пойдет на поправку. И даже боялся, что после всего, что произошло в горах, она не захочет со мной общаться — Ухан, мой лучший друг и ее парень, погиб отчасти и по моей вине. Но все оказалось гораздо хуже. Из-за тяжелых ранений Марана несколько месяцев находилась в корабельном госпитале, погруженная в тяжелую кому, под присмотром врачей космостражи, прибывшей на место разборок. Затем она очнулась, и ее родителям позволили забрать дочь. Я видел отчет специалистов о состоянии ее здоровья. После комы ее мозг оказался чист. Ее родителям пришлось воспитывать эту «оболочку» заново, как воспитывается младенец с рождения. Они учили ее говорить, ходить, есть, пить, снова познавать окружающий мир... Так что я хорошо представляю, что им пришлось вынести. По умственному развитию Маране сейчас четырнадцать-пятнадцать лет. А ее телу уже двадцать шесть. Стечение роковых обстоятельств — как выяснилось в ходе обследования и лечения, ее мозг получил серьезные повреждения в ходе процесса Специализации, проведенной в экстремальных условиях, без надзора соответствующих специалистов. Затем черепно-мозговая травма в бою и последовавшая после нее контузия довершила начатое. Такой личности, как Марана, больше не существовало. Имя осталось прежним, но эта Марана — другой человек, и ничего уже не изменишь. Ни-че-го.

Да, он прав в своей ненависти. Но лишь со своей точки зрения. Не с моей. Пытаясь спасти общину — а я и сейчас уверен, что единственным выходом из создавшегося тогда положения был переход к вооруженной борьбе с мародерами, пытавшимися обчистить Туманную долину, — по его мнению, я погубил друзей, разрушил их жизнь. Свою — тоже. Но сожаления давно перегорели. Если посмотреть на ситуацию в Туманной долине сейчас, непредвзятым взглядом, то загнивающее общество с атрофированным инстинктом самосохранения, образно говоря,

получило хороший пинок под зад после тех событий — к развитию. Потеряв немаловажный источник доходов — Чертоги Хрусталитов (где, кстати, и окопалась сейчас военная исследовательская база), община быстро сумела заткнуть образовавшуюся финансовую брешь. Значительная часть бывших завсегдатаев гэпэшек — основного развлечения населения Туманной долины до ЧП — оказалась отличными программистами и системными техниками. Да и опытные игроки, не раз побеждавшие в местечковых турнирах Пустоши, после снятия искусственной изоляции с планеты нашли применение своим способностям в раскрученных коммерческих играх Сети Коалиции — на этом можно десятилетиями зарабатывать неплохие деньги. Просто таланты жителей Пустоши раньше не были востребованы, а после ЧП оказались весьма кстати. Опять же — развитие курортной зоны. Экспорт сельскохозяйственных культур, производившийся лишь для отвода глаз налоговиков Центра, сейчас приобрел более широкий размах, производство было расширено, посевные площади увеличены, полевая техника модернизирована. Туманная долина ничего не потеряла. Ненависть этого старика ко мне выглядела смешно. Или я стал бесчувственным — не знаю. Может быть.

– Не очень вежливо с его стороны — вот так убраться, — реплика Зайды прервала мои размышления. — Ладно, нам все равно пора. У нас, кажется, возникла внеплановая работа.

– А что случилось?

– Пока ничего. Но возле челнока нас ждет капитан из службы безопасности базы.

– Ему что, Петра мало? — Я озадаченно вскидываю бровь.

– Да нет, у него срочное сообщение, сказал, что может передать только мне лично. Приказ его любимого командования.

– Доверяет коллеге по статусу?

– Вроде того. Пойдем, послушаем, что ему нужно. Надеюсь, разгрузка не откладывается на неопределенное время. Что-то мне перестал нравиться запах этой планеты.

Зайда повернулась и широким шагом направилась обратно к входу в здание космопорта, а я последовал за ней, бросив последний взгляд на удаляющееся по шоссе синее пятно трассера.

Без сожалений.

По крайней мере, мне так хотелось думать.

ГЛАВА 8

Кассид

Не сводя глаз с развернувшегося во всю стену экрана, Кассид медленно опустился в любимое кресло, мягко качнувшееся под солидным весом торговца. Пальцы машинально сжали подлокотники, царапая когтями янтарный бук — полудрагоценную древесину с Золотой Плеши, экспортирующей в другие миры подобные предметы роскоши.

Обзорные панели покрывали поверхность стен кают-компании практически полностью, закрывая даже прямоугольник входа. Информационное поле обычно делилось в зависимости от нужд на десятки видеоокон, на которые непрерывно транслировалась всякая всячина — все, что приемная аппаратура «Забулдыги» выуживала из инфосети планеты, над которой находился корабль. Но сейчас Кассид мысленным приказом по внутренней связи погасил лишнее и выключил свет. Кают-компания словно исчезла, вокруг торговца развернулась панорама космического пространства, в воздухе поплыли светящиеся строчки данных телеметрии.

Ничего не понять. Экран пуст. Сплошная темнота космоса, и ничего более. С проблесками звезд разной интенсивности и спектра. А-а-а, вот оно!

Там, куда он уставился не без подсказки Альта, чернота космоса была абсолютной — ни малейших искорок света. Там и находился неизвестный сосед, появившийся из ниоткуда. Продвинутая маскировка, вот из-за нее самого корабля не видеть... Но то, что он огромен, и так ясно.

Намечалось что-то экстраординарное. Это Кассид сообразил уже и без ИскИна. Трудно не понять. Объект на стационарной орбите, маскирующийся под космическую пустоту. Нормальные люди открыто демонстрируют добрые намерения, а хитрованы, как этот субъект, могут и под зад отвесить, если не принять предупредительных мер.

Пожрать не дадут спокойно, мор-рды!

Кассид удрученно рыкнул, шумно выпуская воздух из вместительной грудной клетки. Что самое паршивое — у него сейчас чертовски уязвимая ситуация. Его люди и его имущество — челнок — на планете, и он так просто не может покинуть орбиту Пустоши. Более того, если чужак несет угрозу, он обязан предупредить своих.

Ладно, пожую — увидим, не так страшен черт, как его малютки.

Интересно, только сейчас пришло ему в голову, а насколько долго *это* болтается на орбите? Ведь Альт тоже сумел засечь его появление не сразу. Чужак мог какое-то время находиться по ту сторону планеты. Скорее всего, так и произошло, чужак появился там и потихоньку выплыл навстречу «Забулдыге»... Есть, правда, еще один вариант. Внешник Кассида висел на орбите лишь восемь часов. Чужак уже мог находиться здесь, когда корабль Кассида возник в точке гиперперехода, отстоявшей от планеты на расстоянии более двадцати тысяч километров. И пока медлительный внешник, главной задачей которого были межзвездные прыжки, а не скоростные гонки, два часа подгребал к планете на нужную дистанцию и выбирал удобную для себя орбиту...

То есть непрошеным гостем, вмешавшимся в планы чужака, мог оказаться и сам Кассид. И теперь эта мор-рда решила присмотреться к нему с близкого расстояния.

Усилием воли Кассид заставил себя расслабиться, не годится так накручивать себя заранее, на пустых домыслах. Ведь никаких угрожающих действий чужак еще не предпринял. Всего лишь приблизился. И все же игры вслепую торговцу очень не понравились, поэтому он отдал ИскИну приказ прозондировать неизвестный объект на всех известных частотах связи.

Повар-стюард выбрал именно этот момент, чтобы побеспокоить Кассида, и с тихим писком потерял его за рукав тонкой металлической лапкой.

– Ну что еще, рэ-эррр... ага.

Обоняние Кассида уловило чудный запах. На сервировочном столике рядом с креслом уже стоял влоп. Вместительное блюдо с солидной порцией. Кассид никогда не готовил впрок, пища обязательно должна быть свежей, так как вся эта роскошь предназначалась исключительно для его желудка. Не совсем кстати, конечно. Но влоп не будет ждать, пока он разберется с возникшей проблемой. А если пища остынет, придется выбрасывать. Сердце кровью обливалось от этой мысли.

Кассид выдернул из рук услужливого стюарда широкую семизубую вилку и занес ее над тарелкой, нацелившись в самый аппетитный на вид кусок мяса, сдобренный специями и кружками лунного чеснока...

Ну ясное дело, поесть ему не удалось.

Вид на обзорных экранах резко изменился. Кассид буквально остолбенел от удивления, уставившись на развернувшуюся перед глазами картину — *чужак* сбросил маскировку и предстал на экранах во всей жутковатой красоте.

– А-альт! — громогласно позвал Кассид. — Ты вызываешь Лайнуса?

– Ответ положительный.

– Ну так давай его на экран.

– Ответ отрицательный.

– Рэ-эррр, мор-рда, я же тебе сколько р-раз...

– Установить связь невозможно, — поспешно пояснил ИскИн, — поставлена блокировка неизвестного происхождения, системы связи внешника не в состоянии ее преодолеть.

«Чужак включил постановщики помех, — сообразил Кассид. — И весьма эффективные. Дело плохо».

– Все равно продолжай передавать вниз информацию. Может, хоть что-то пробьется... Нельзя ребят оставлять в неведении...

Продолжая пялиться в экран, Кассид машинально поскреб когтем возле основания рога. На скрежет, сравнимый со звуком безжалостно разрываемой металлизированной ткани, он привычно не обратил внимания.

Сбросивший маскировку корабль чужаков действительно оказался монстром — во много раз больше «Забулдыги», настоящий гигант, а ведь внешник Кассида — один из самых больших частных торговых кораблей. И форма у чужака тоже оказалась весьма, весьма необычной. За всю свою жизнь Кассиду не доводилось видеть таких кораблей. Слышать тоже. Если «Забулдыга» внешне выглядел как многослойная цилиндрическая конструкция с порослью многочисленных технических надстроек по обшивке и возле люков грузовых терминалов, то чужак оказался шарообразным. Замысловатая с виду конструкция корабля иных очень отдаленно напоминала раздувшуюся до размеров космического монстра головку созревшего одуванчика — того самого растения с Кассионии, которое Кассид любил добавлять в сыром виде в кушанье к остальным специям, для придания блюду приятной вяжущей горьковатости.

Одно только ядро корабля пришельцев было раз в пять больше «Забулдыги» Кассида, а тонкие трубообразные «тычинки», числом не менее сотни, топорщились по всей поверхности корпуса до километра в длину. Тонкими, конечно, они казались лишь по сравнению с общими размерами чужака, так как каждая «тычинка», по приблизительной оценке Альта, достигала не меньше двенадцати метров в диаметре. И на конце каждой — вздутие, напоминающее чашечку цветка. Сплошная ботаника, одним словом.

Ошеломленно глядя на это чудо-юдо, Кассид ломал голову, как ему пробиться сквозь наведенные помехи и связаться с планетой, предупредить Лайнуса о чертовщине, творившейся на орбите. Неплохо бы его людям поторопиться с выгрузкой и вернуться на борт.

«Но если возникнут серьезные осложнения, сматываться придется без экипажа», — сразу решил Кассид. Ребята на планете не пропадут, а для него сейчас главное — сохранить корабль.

Кем бы этот чужак ни оказался, если он поведет себя агрессивно, то военный флот Коалиции быстро заставит его понять ошибку... Если, конечно, будет кому сообщить о происходящем после визита пришельца... да и планетка эта, Пустошь, — ничем не примечательный мирок, расположенный на самой границе Космических владений Коалиции Независимости, в наименее оживленной для торговли зоне. В космических реестрах Пустошь даже спустя двести лет после начала Колонизации все еще числится сельскохозяйственной планетой со слабо развитой экономикой и останется такой еще надолго, а подобных бросовых мирков в государстве хватает, и руки до них, если что случается, доходят не скоро. Тем более последний год у Коалиции возникли серьезные политические трения с соседом — Галактической Федерацией миров, в звездной системе Уника, а это совсем на другом краю звездной карты...

Осложнения явиться не замедлили.

Кассид раздосадован но рыкнул.

Дела-а. Сдается, что последний приказ — о зондировании неведомого объекта всеми привычными частотами связи — оказался большой ошибкой. Возможно, чужак не собирался его трогать и убрался бы восвояси, удовлетворив любопытство. Но, смекнув, что обнаружен, отключил маскировку и решил «потрогать».

Пока Кассид в тяжком раздумье соображал, что ему лучше всего предпринять, несколько чашеобразных модулей отделились от «тычинок» и устремились в сторону «Забулдыги». Секундой позже Альт доложил, что объектов пять штук, расчетное время подлета к внешнику, если не изменится скорость, — четыре минуты.

Кассид почувствовал неприсущую уроженцу Кассионии слабость, раздраженно посмотрел на кусок мяса, все еще сиротливо торчавший на вилке, и бросил вместе с вилкой в тарелку. Аппетит пропал. Но и секунды слабости прошли.

Что это? Истребители? Десантные боты? Торговые модули? Дипломатический визит? Бесполезно гадать. Так же бесполезно пытаться представить, что за раса существ прибыла на этом корабле. Единственное, в чем Кассид мог поклясться, — в том, что визит подобных чужаков в освоенный разумными расами космос был первым. И как бы не оказался последним. Для него лично, Кассида.

С этого момента торговец решил считать чужака врагом.

На всякий случай.

Лучше перестраховаться и предпринять меры заранее, чем неожиданно-негаданно получить плюху в лоб и дико удивляться, за что это ему все, такому пушистому и безобидному...

— Альт, открыть оружейные люки, выдвинуть орудия, боевая готовность. Подготовить корабль к обратному прыжку из системы... — Кассид услышал дробный посторонний стук, перевел взгляд и обнаружил, что барабанит когтем по крышке стола. Однако нервы. В раздражении он втянул когти и сжал пальцы в кулак. Зыбкость ситуации угнетала капитально.

Он никогда не прокладывал курса к системам, не делал расчета координат для гиперпрыжков, не обновлял вводных данных, не занимался настройкой и диагностикой навигационных систем. Все это было прерогативой Лайнуса. А Кассид в случае авральных ситуаций, подобных этой, просто пользовался готовыми рецептами, Лайнусом же предусмотрительно и составленными — по записям в памяти бортового ИскИна. Именно поэтому торговцу совершенно нечего было делать в рубке, в епархии Лайнуса. Как капитан корабля, необходимые команды он мог отдать и из кают-компаний, а информационный обзор здесь, лично для него, был несравненно лучше.

Достаточно отдать команду Альту — и ИскИн сделает все необходимое. Загрузит данные прыжка из системы Домен-Сокта в стартовую программу, проведет корректировку, и корабль совершит прыжок обратно. Но подготовка гиперперехода даже по известным координатам — довольно долгая процедура, Альт уже определил, что понадобится двенадцать минут с хвостиком. Нужно запустить все навигационные системы и стартовые программы гипердвигателя,

провести тест-запуск перед рабочим прыжком. Оставалось надеяться, что эти минуты у него, Кассида, имеются.

На носу тем временем из корпуса внешника выдвинулись семь лазерных башен класса «звезда», нацелившись на предполагаемого противника. Когда-то устаревшие и списанные с военных кораблей, пушки обрели вторую жизнь на корабле Кассида. Не без помощи Сوماхи, конечно, парень сумел их серьезно модифицировать, задрал мощность орудий на такую высоту, что их создателям и не снилось.

И все же стрелять первым сверхосторожный торговец не решился. А если этот гигант ответит? Десятикратно, стократно? Если чужак всего лишь решил пообщаться на свой манер? Черт их поймет, этих пришельцев, откуда ему знать, как с ними налаживать диалог...

По какой-то шальной ассоциации неожиданно вспомнился очень давний случай на Сокте. Его команда занималась делами в городе, а Кассид ждал их в космопорте, пребывая в препаршивейшем настроении: в местном ресторанчике его накормили какой-то дрянью вместо обеда. Обычно Кассид готовил себе еду сам, на «Забулдыге», но в тот раз проголодался и решил перекусить национальным колоритом, в виде исключения. Как оказалось, зря. Местные повара совершенно не умели готовить. Просто зря переводили продукты, делали из них черт знает что, а не пищу. И вот, занимаясь погрузкой прибывших роботов в самом дурном расположении духа, в какой-то момент он выбирается на пандус и обнаруживает, что одного из его будущих членов команды — Сوماху, тогда еще обычного пацана, какая-то мор-рда, вцепившись ему в шею и угрожая оружием, трясет как куклу. В тот момент Кассид не раздумывал, руки миглом все сделали сами, и мор-рда получила в спину пару парализующих игл из его игломета, а настроение Кассида немедленно поднялось.

Непонятно, почему это вспомнилось, но сейчас явно не тот случай — стрелять, не раздумывая. Ему офигенно не хотелось входить в историю недоумком, который развязал новую межзвездную войну. Разумному человеку в здравом уме и твердой памяти совершенно ни к чему такое черное проклятье на весь его род.

— Альт, они хотя бы пытаются связаться с нами? Хотя как-то? Есть что-нибудь, что можно идентифицировать как попытку связи?

— Нет ничего. Эфир пуст. Если у них и есть системы связи, мне они незнакомы.

«Обалдеть какое радостное сообщение», — с мрачной иронией подумал Кассид.

ГЛАВА 9

Дым

— Вижу противника. Остаюсь для прикрытия. Огонек, предупреди Хогана.

Уже отдав приказ, Дым сообразил, что Огоньку будет трудновато его выполнить. Связи с винтокрылом все еще нет, что даже странно, за это время можно уже было сменить лоцманы, неужели и запасные спалились от электромагнитного удара? Но раз так, Огоньку придется обгонять винтокрыл и сигнализировать в кабину лазером... Нет смысла. Хоган и так двигается в сторону базы. А ее предупреждение ничего не изменит, но делать что-то надо...

Послушный воле пилота, набравший уже было скорость «Спринтер» резко замедлился, затем развернулся вокруг оси, вздыбив стальными лапами усеянную камнями почву, и задрал стволы плазменных пушек, встроенные в руки. Головная плазмопушка и плечевые лазерные орудия синхронно повторили движение. Через кромку кратера, до подножия которого было чуть больше километра, непрерывным потоком переливался рой из сотен вражеских целей, скатываясь вниз в ущелье, словно водный поток. Склон, состоявший из серо-коричневых скальных пород, теперь пестрил черными оспинами, словно горы внезапно поразила болезнь, о сорвавшемся отпуске Дым уже не думал: сожаления растворились в деловой сосредоточенности.

— «Двойка», подберись как можно ближе к винтокрылу. Дай им как-нибудь понять, чтобы открыли дверь, и предупреди об атаке, — распорядилась Огонек, отреагировав на его приказ.

«Молодец, — одобрительно подумал Дым, — сообразила». Бортовые громкоговорители вполне сгодятся для передачи предупреждения. А «мэр» куда шустрее робота.

— Легче сказать, чем сделать, — с сомнением отозвался пилот «Двойки». — Там воздушный поток такой, что меня покалечит в два счета...

— На базе поговорим, как обсуждать приказы старших по званию в боевой обстановке, — пресек возражения Дым, поддержав Шайю. — Приступить к выполнению!

— Есть приступить к выполнению, — недовольно буркнул пилот.

Вспыхивает пиктограмма связи с «Единицей», начинают поступать данные телеметрии. График мозговой деятельности пилота Дыму не нравится, его боеготовность оценивается всего в семьдесят три процента от нормы, похоже, парня здорово контузило, когда перегорали нейроцепи лоцмана. Зато вооружение гравилета в полном порядке, да и голос пилота бодр, как ни в чем не бывало:

— Капитан, я снова с вами. Готов поддержать огнем.

— Рад тебя слышать, «Единица». Не торопись. Следуй за винтокрылом. Ракеты только у «мэров», а боезапас невелик, сперва посмотрим, что сможет сделать «крот-5». Пусть пощупает чужаков первым.

«Спринтер» успел отбежать от жерла туннеля, где прятался «крот», всего на две с половиной сотни метров, дистанция маловата, но какая уж есть. Пусть Огонек успеет уйти как можно дальше, ее «Миссионер» немного медленнее, чем его «Спринтер». А он в случае чего догонит. Жаль, винтокрыл жутко тормозит движение, без него они давно бы уже припустили к базе во всю прыть. Но условий для боя при неожиданном нападении, как правило, выбирать не приходится, следует использовать имеющиеся возможности.

На тактической панели вспыхивает пиктограмма новой боевой единицы — активировался «крот». Было у Дыма опасение, что бортовой рации не удастся пробиться в туннель сквозь такое плотное облако модулированных электромагнитных и радиочастотных помех, какое создавали чужаки. Но связь оказалась устойчивой, в оперативную память туннельного робота потекли параметры целей, а сам он начал выдвигаться из бетонного жерла на бое-

вую позицию. Теперь оставалось дожидаться, когда он вступит в дело, и посмотреть результат. Вопрос в другом — есть ли у Дыма время на подобное ожидание. Ведь дистанция была более чем подходящей для нанесения удара лазерными излучателями. Атмосфера довольно активно гасит мощность луча, так что чем короче дистанция, тем выше пробивная способность, но есть и подводный камень — сужение оперативного простора для боевого робота бывает губительнее мощи вражеского оружия. Так что пока остается разрыв в километр, самое время открывать огонь... Но «крот» еще не готов. Неизвестно, чем ответят чужаки, хотелось бы это проверить на бездушной железяке, а не на себе. Да и вооружение его робота мало годится для такого боя, с большого расстояния плазмопушки хороши лишь для настильного огня по крупным объектам, а эту мелочь придется сбивать лазерами, которых у него всего два, и те малой мощности, паршивые «блески».

Ждать оставалось недолго, время развертки «крота» — тридцать секунд. Но чего ждет противник? На их месте Дым уже начал бы атаку, прощупал бы противника дальнобойным оружием.

Стекая с гребня кратера плоской лентой, рой надвигался неспешно, по оценке системы наведения — со скоростью двенадцать километров в час. Наконец он достиг дна распадка и начал растягиваться широким рукавом, перекрывая все ущелье от склона до склона на высоте трех десятков метров, затем устремился в направлении Дыма. Исходя из скромной высоты роя, можно предположить, что для парения в технике чужаков тоже используется принцип антигравитационных толкателей, как и в людской технике.

Воздух буквально рябил от множества мелких черных объектов — «ежей». Более крупные объекты — «жала» — держались позади роя, видимо предоставив в первую очередь действовать мелочевке. Терминологию подкинула Огонек, ИскИн ее «Миссионера» справился с оперативной классификацией быстрее. Ее робот принадлежал сравнительно новой линейке «Право Первопроходца», хорошо зарекомендовавшей себя в боевых условиях за два года производства. У него и вооружение лучше заточено для работы с множеством маневренных малогабаритных целей: двенадцать лазерных орудий разной мощности. Из «Миссионера» в случае чего получится отличное прикрытие для «Спринтера», а пока пусть отступает.

«Шайя — хорошая девчонка, — подумал Дым. — Хотя, конечно, та еще язва и недотрога. Жаль, что идеальных людей не бывает, как и идеальных отношений. И если ты считаешь себя человеком, а не говнюком, то даже когда тебя пошлют подальше вместе с твоими притязаниями на близость, то злость рано или поздно растворится, уйдет. Тут главное — иметь голову на плечах, а не дырявое ведро, и вовремя понять, когда стоит отступить, чтобы не наломать дров».

Жаль только, что далеко не у всех на базе имеются мозги, время и терпение, не все парни успокоились, как Дым, так что пришлось негласно, втайне от Шайи, пару раз особо ретивым начистить физиономию в укромном уголке. Ничего удивительного, что, продолжая заботиться о Шайе и сейчас, Дым тем более не собирался ее подставлять чужакам...

Нейроконтроль системы жизнеобеспечения отреагировал на всплеск волнения, понизив порог чувствительности. Боевая Специализация Дыма отсекала лишние мысли, заставив сосредоточиться на предстоящей задаче. Он стал абсолютно спокоен. Ничто не должно отвлекать в предстоящем бою. Никакие посторонние мысли и чувства, не относившиеся к самому бою.

— Дым, есть предложение, — связалась Огонек. Ее «Миссионер», бегущий за винтокрылом, уже удалился на два километра и вскоре должен был скрыться за легким изгибом ущелья. «Мэры» тянулись рядом. — Раз чужаки не торопятся нападать, то нет необходимости так рисковать. Предоставь действовать «кроту» и догоняй нас...

Долго играть в сорвиголову у Огонька не получилось, все же забеспокоилась за его судьбу. Если бы уровень эмофильтра не стоял на максимуме, это бы согрело Дыму сердце, а так он лишь мысленно усмехнулся.

– Необходимость есть. Незачем подставляться всем сразу. Да и наблюдатель нужен живой, иначе кто при таких помехах в эфире сообщит о результатах работы «крота-5»? Больше некому. Так что придется мне тоже поработать мишенью. Возможно, мы сумеем их здесь остановить, и они не последуют за вами.

– У меня на этот счет другое мнение.

– Ты отходишь, Огонек, приказ обсуждению не подлежит. Чем дальше вы успеете уйти, тем больше шансов добраться до базы. Все ясно?

– Да. Выполняю. Но когда вернемся на базу, поговорим о твоём приказе в тесном семейном кругу. Удачи.

Это хорошо, что она такая оптимистка. «Когда вернемся на базу»... Не «если», а «когда». Внушает надежды на ближайшее будущее.

Темнело стремительно. Искусственная черная туча продолжала неудержимо разрастаться со скоростью штормовой волны, закрывая небо грозовым полотном и преграждая путь солнечному свету. Краски на окружающих «Спринтера» горных склонах потускнели, день стал похож на поздний вечер, бортовой ИскИн перевел оптику наблюдения на максимальное усиление. У этой противотучи что, никогда не кончаются ресурсы? Или происходит непрерывная подпитка, например, с базового корабля?

Тупорылый ствол заградительного миномета, встроенного в бедренную платформу «Спринтера», с ревом выплюнул три десятка активных термоаэрозольных мин, разбросав их веером поперек ущелья. Возможность отхода всегда следует планировать заранее, используя доступные средства для увеличения шансов на выживание. Вонзившись тормозными якорями в грунт, цепь ТАМов перекрыла дно ущелья на протяжении полутора сотен метров.

Бронированная туша «крота-5», похожая на гигантский тупорылый снаряд, наконец выползла из туннеля на телескопических рельсах и зафиксировалась, ввинтив в каменистый грунт стальные якоря. Заградительный ракетно-пушечный комплекс предназначался для поражения воздушных и наземных целей, включая высокоточное оружие. Основной режим работы комплекса — ведение автономных боевых действий с возможностью корректировки работы дистанционным оператором. В данный момент его судьбой распоряжался пилот «Спринтера». Из скошенной морды полукруглой башни выдвинулись две двуствольные спарки калибра 40 мм, развернулись в сторону надвигающегося роя, из макушки башни выехала и утвердилась на гидростабилизированной вращающейся платформе металлическая коробка фермы с пусковыми ракетными стволами.

«Огонь по готовности», — приказал «кроту» Дым.

Комплекс тут же пришел в действие. Рев поднялся неимоверный, мгновенно погасив все звуки в окрестностях — кроме грохочущего эха. Трассирующие потоки управляемых реактивных снарядов, изрыгаемые из четырех стволов, понеслись в сторону роя стремительными красными росчерками. Система наведения и распределения целей выделила каждому «ежу» личного стального могильщика, а скорость в две тысячи километров в час не позволила им уклониться от столкновения, километровое расстояние снаряды преодолели почти мгновенно. Над дном ущелья словно вспыхнула желто-красная россыпь взрывающихся петард, разогнав светом коротких разрывов искусственный сумрак. Со стороны могло показаться, будто в центр роя вонзился невидимый гигантский кулак, смяв фронт метров в двести и разорвав его по всей глубине до самых скал. Чужаки, на взгляд Дыма, скорее всего, не были знакомы с вооружением человеческой цивилизации и, столкнувшись с незнакомыми военными технологиями, понесли огромные потери. Отметки уничтоженных целей на экране такблока перевалили за пять сотен и продолжали расти.

Глядя на картину развернувшегося избиения, Дым не мог избавиться от ощущения, что наблюдает стрельбу из пушки по воробьям. Да, количество «ежей» беспокоило. И все же они слишком малы и не могут представлять серьезную опасность для боевого робота. Что, если их

предназначение — истощить боезапас противника? Отвлекающий маневр? Ложные цели? Не исключено, что так оно и было.

Мысленный приказ Дыма перенес огонь комплекса на парившие позади роя «жала», благо теперь их строй не загораживали сотни защитников. И тут уже Дыма ждал сюрприз. Трассирующие ленты огня вонзились в невидимую преграду перед каждой целью, расплескавшись огненными вспышками без всякого вреда для противника. Силовые щиты? Получив зубодробительные оплеухи и ничуть не ошеломленные ударом, «жала» резко увеличили ход, устремившись к «кроту», — все четыре десятка малых кораблей. Трассирующие струи реактивных снарядов, наткаясь на силовые щиты, быстро укорачивались, кораблики так и неслись, тараня огненный ореол.

Счет пошел на секунды, но Дым пока без труда управлял ситуацией. Сознание в боевом режиме дробилось многовариантным потоком, в соответствии с количеством решаемых проблем. В отличие от Шайи, Дым проходил полную Специализацию и его профессиональные навыки были на порядок выше, чем у тех, кто использовал иждивенца с программным обеспечением «мехвоин».

Дым поменял тактику. Малокалиберные орудия снова принялись за уничтожение «ежей», а «жалами» занялись ракетные установки. Из пусковых труб «крота-5» с ревом вырвались две трехметровых ракеты, начиненные кассетными боеголовками, и унеслись на огненных хвостах. Стремительно сблизившись с летящим навстречу противником, ракеты получили сигнал в миллиметровом диапазоне волн от аппаратуры навигации и за двести метров до контакта каждая распалась на восемь боеголовок. Шестнадцать «жал» вспыхнули от разрывов... И остались невредимыми, даже не замедлили полет.

В этот момент пушки «крота» умолкли, на панели такблока «Спринтера» замигали пиктограммы, сигнализирующие об окончании боеприпасов. Скорострельность — палка о двух концах. Гарантированное поражение быстро движущейся цели включает сверхбыстрый расход боеприпасов. А темп стрельбы пушек «крота-5» составляет пять тысяч выстрелов в минуту. Минута боя исчерпала его ресурс. Впрочем, «крот» и не предназначался для долгого ведения боевых действий. Задача подобной техники — вступить в бой, связать силы противника, отвлечь внимание и предупредить главные силы о нападении. Впрочем, если автоматика успеет перезарядить запасные кассеты со снарядами, то повоевать еще получится...

Дым отстраненно выругался. «Крот-5» справился с задачей лишь частично, а корабли противника оказались неожиданно прыткими и настойчивыми. Сопровождаемые шлейфом уцелевших «ежей», которых оставалось еще не меньше трех сотен, они уже волной подкатывали к комплексу.

Пусковые трубы «крота», перезарядившись с помощью упрятого в туннеле зарядного механизма, выпустили следующую пару ракет. В тот же момент, прямо на взлете, их настиг невидимый удар. Ракеты взорвались, накрыв огненной волной пусковую башню, и «крот» умолк сразу и окончательно, окутавшись пламенем и дымом. ИскИн «Спринтера» выделил и зафиксировал информацию в памяти, определив дистанцию поражения вражеского оружия в двести четырнадцать метров, но не смог выявить характер воздействия даже теоретически.

Дым не строил предположений, что именно применил противник, у него не было времени на отвлеченные размышления. Пора начинать отход — миновав уничтоженную башню «крота», «жала» устремились в его сторону. Если понадеяться на броню и ЭМ-поле да припустить во всю скорость, на какую робот способен, возможно, это и получится — удрать...

Дым все же решил задержаться — информации пока мало, еще не все средства противодействия использованы. Считается, что у пилотов ИБээРов, особенно у тех, чье сознание перестроено «специализатором», отсутствует страх смерти. Но, хотя умные программы блокирует неконструктивные эмоции, они не исключают инстинкта самосохранения полностью — слишком дорогой техникой приходится управлять пилотам, и никакому командиру не понравятся

неоправданные потери. Сейчас же Дым действовал сам по себе, помня, что должен дать как можно больше времени на отход колонны поэтому решил проверить прочность врага силой своего оружия. Ведь любой ИБЭЭР на порядок мощнее и защищенное дешевой расходной техники вроде «кратов».

Дым переключил противоракетную лазерную систему робота на уничтожение второстепенных целей — «ежей», благо вражеских ракет пока не предвиделось, а стволы основных орудий навел на хищные силуэты стремительно стелющихся над землей «жал». Система наведения и сопровождения целей «Спринтера» выделила корабли, вырвавшиеся вперед.

Залп из трех плазмопушек прозвучал как яростное шипение гигантской кошки. На такой короткой дистанции это все равно что выстрел в упор, не промахнешься. Слепяще-белые солнца плазменных зарядов, прожигая искусственный сумрак, понеслись навстречу «жалам»... и ярко расплескались о силовые щиты. Каменистая почва вскипела от обрушившихся вниз потоков плазмы. Сверкнули, вонзаясь в цели, лучи двух малых «блесков». Удача! Одно из «жал» вспыхнуло и рассыпалось осколками, второе, словно налетев на стену, рухнуло на камни. Невидимые защитные поля не смогли задержать чистую направленную энергию боевых лазеров, и этим следовало воспользоваться. Импульсы лазерных орудий прошли по первой десятке «жал», расходясь веером, теплорассеиватели протяжно загудели, отводя излишки тепла от орудийных кожухов на броню робота — то, что не успевали поглощать сами. Еще трех чужаков разнесло в клочья, лучи малых лазеров прошивали их корпуса насквозь, затем, видимо, взрывалось оборудование внутри. Но остальных пришельцев гибель товарищей не остановила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.